

Содержание

- 6 От редактора
- 9 Список сокращений
- 11 *АЛЕКСЕЙ ВДОВИН. ЖИЗНЬ ПУБЛИЧНОЙ ЖЕНЩИНЫ
СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА: БИОГРАФИИ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ*
- 12 Кто они?
- 16 Культурная история проституции
- 23 Биография Терезы Карловны Грюнвальд
- 53 Эпизод из жизни парижанки Эмилии Телье
- 64 Женщина у себя: быт и повседневность
- 70 Телесность
- 77 Аффективный обмен
- 89 ПИСЬМА ПЕТЕРБУРГСКИХ И ПАРИЖСКИХ
ПУБЛИЧНЫХ ЖЕНЩИН СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА
- 90 № 1–37. Письма Т.К. Грюнвальд Н.А. Добролюбову
- 172 № 38–50. Письма Т.К. Грюнвальд Н.Г. Чернышевскому
и Е.Н. и А.Н. Пыпиным
- 191 № 51. Письмо Клеманс Н.А. Добролюбову
- 193 № 52–66. Письма Эмилии Телье Н.А. Добролюбову
- 226 № 67–69. Письма трех парижанок Н.А. Добролюбову
- 231 № 70. Письмо неизвестной женщины Н.А. Добролюбову
- 232 Аннотированный именной указатель

От редактора

В предлагаемой читателю книге впервые публикуется уникальный для российской истории XIX в. комплекс документов — частные письма публичных женщин 1850–1860-х годов к известным русским критикам и писателям Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому, а также к историку литературы А.Н. Пыпину и его сестре Е.Н. Пыпиной. Основной массив текстов составляют письма Терезы Карловны Грюнвальд (Therese Grünwaldt, около 1837–1840 года рождения), с которой Добролюбов состоял в отношениях в 1856–1858 гг., а затем переписывался до своей смерти в 1861 г. Сохранившиеся письма Грюнвальд к Н.Г. Чернышевскому и его кузнам Пыпиным также включены в издание. Вторая подборка писем принадлежит парижской лоретке Эмили Телье (Émilie Tellier), с которой Добролюбов познакомился и вступил в отношения во время своего пребывания во Франции. Наконец, для полноты картины в томе печатаются три письма парижских лореток к Добролюбову, одно послание к нему от некой петербурженки Клеманс и письмо неизвестной женщины.

Письма на русском языке публикуются в целом в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, однако с сохранением речевых и стилистических ошибок и неточностей, передающих своеобразную манеру их создательниц. Употребление мягкого и твердого знаков приведено к современным правилам. Разделение текста на предложения и расстановка знаков препинания максимально приближены к современным нормам для удобства чтения, хотя следует оговорить, что некоторые письма представляют собой короткие записки на небольших клочках бумаги, написанные в спешке и часто без некоторых запятых, точек и деления на абзацы. Вместо них Т.К. Грюнвальд часто, но бессистемно использовала для отделения одной мысли или предложения от других длинное тире или нижний прочерк. Такие знаки не воспроизводятся в томе и заменены красной строкой. Некоторые случаи употребления заглавных букв, которые Грюнвальд, очевидно, использовала в русских существительных

по аналогии с немецкими (например, «Друг»), не передаются, и соответствующие слова даны со строчной буквы, за исключением слов, обозначающих конкретных людей по профессии («Директор», «Бабушка» и т.п.).

В немецких письмах Грюнвальд унифицировано написание начальных букв в некоторых местоимениях и существительных. Несмотря на то что в некоторых случаях местоимение Du (ты) написано с заглавной буквы, а все его производные с маленькой буквы, мы последовательно даем написание с маленькой. Точно так же местоимения ich / Ich, Ihn, Ihm даются в публикации со строчной буквы, несмотря на то что в рукописи любое i в начале местоимений написано с прописной. Очень часто в немецких письмах встречается g вместо ch (magst=machst, Unruhe=Unruhe, verzeige=verzeihe), а также иногда kömst вместо komst. Такие случаи сохранены и дополнены указанием современного написания в квадратных скобках. Кроме этого, по нормам орфографии того времени двойные согласные часто заменялись на письме одинарными (например, союз das вместо dass, komen вместо kommen); ey писалось вместо современного ei, th вместо t (например, в глаголе tun), k вместо ck и т.п. Все случаи такого написания сохранены для передачи особенностей орфографии середины XIX в., поскольку немецкие оригиналы писем Грюнвальд потенциально могут быть использованы исследователями в целях, далеко выходящих за пределы обозначенных в настоящем томе.

Французские письма Эмили Телье также весьма своеобразны: текст написан почти без знаков препинания, с многочисленными ошибками, опусканием некоторых глаголов, так что иногда очень трудно однозначно провести синтаксическое членение предложения и определить окончание одной мысли и начало другой. Для удобства чтения мы приняли решение ввести подстановки в квадратных скобках. В русском переводе они, естественно, не воспроизводятся, поэтому русский текст звучит более связно и гладко, нежели оригинал.

Приписки, сделанные в документе его автором, вносятся в строку и обозначаются фигурными скобками {}. Авторские скобки передаются круглыми скобками (), квадратными скобками [] обозначается текст, вносимый публикатором. Угловые скобки <...> обозначают пропуск текста, <?> — датировку писем или предположительное чтение.

Пропущенные в документе и восстановленные по смыслу слова воспроизводятся в квадратных скобках. Авторские подчеркивания передаются курсивом. Подписи приводятся после текста документа справа, на том языке, на котором они были сделаны. Указанные в письмах даты и

города воспроизводятся в строке справа, если стоят перед текстом письма, и в строке слева, если расположены после текста.

В ссылках на публикуемые письма цифры после номера письма указывают на страницы настоящего издания.

Письма на немецком и французском языках публикуются на языке оригинала и в русском переводе. Расшифровка и перевод немецких текстов выполнены Юлией Барсуковой, французских — Анастасией Новиковой (письма Эмили Телье) и Франческой Лаццарин (письма Адели Батай, Марии Шолер и Сарры).

Перед тем как перейти к повествованию, считаю своим долгом выразить признательность коллегам, без которых эта книга не вышла бы. Прежде всего моя самая большая благодарность — сотрудникам Рукописного отдела ИРЛИ РАН «Пушкинский Дом» Т.С. Царьковой, М.М. Павловой и Е.С. Левшиной, которые помогали в работе с архивными рукописями, а Екатерина Сергеевна Левшина любезно согласилась сверить трудные места в письмах в период пандемии. Без самоотверженной помощи Татьяны Кузьминичны Шор, взявшей на себя расшифровку и перевод судебного дела Т.К. Грюнвальд из Национального архива Эстонии, я не смог бы опираться на него в реконструкции биографии этой женщины. Маргарита Вайсман в нужный момент дала исключительно полезную консультацию касательно новейшей историографии проституции в императорской России. Коллин Люси (Colleen Lucey) щедро поделилась со мной не только рукописью своей монографии, посвященной изображению проституции в русской литературе и прессе второй половины XIX в., но и цифровой копией редкого альбома художника А.И. Лебедева «Погибшие и милые создания» (1862). Отдельная благодарность — Шивон Хирн (Siobhán Hearne), любезно предоставившей мне доступ к тексту своей книги о контроле за проституцией в России конца императорского периода, а также Павлу Успенскому и Андрею Федотову, прочитавшим рукопись книги и поделившимися полезными соображениями.

Еще раз не могу не выразить признательность коллегам, которые помогали с переводами и поиском источников на самых разных стадиях работы, — Юлии Барсуковой, Анастасии Новиковой, Франческе Лаццарин, Полине Варфоломеевой. Д.А. Кондаков оказал неоценимую помощь в редактировании перевода писем с французского языка.

Особая роль в придании этой книге ее итогового облика принадлежит рецензентам — Н.Л. Пушкиревой и М.М. Пироговской, благодаря

советам, замечаниям и рекомендациям которых мне удалось восполнить некоторые существенные лакуны и уточнить многие формулировки и понятия.

Наконец (но, конечно, не в последнюю очередь) на протяжении всей работы над книгой рядом со мной был человек, с которым обсуждались наиболее трудные исследовательские, переводческие и логистические решения (от названия до элементов комментария), — это моя супруга Анастасия: степень моей благодарности едва ли поддается вербализации.

Разумеется, вся ответственность за возможные огрехи остается на мне.

А. Вдовин

Список сокращений

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (Санкт-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

Жизнь
публичной женщины
середины XIX века:
биографии
и повседневность

Алексей Вдовин

Кто они?

Жизнь маргинальных, безгласных и угнетенных социальных групп и субкультур давно сделалась самостоятельным объектом социологического, историко-культурного и антропологического изучения. Если говорить об истории и повседневности Российской империи, то объектом внимания историков и культурологов все чаще становятся такие представители социального дна, как воры, юродивые, нищие и, конечно же, проститутки¹. В последнем случае, однако, произнесение самого слова «проститутки» немедленно влечет за собой вопрос: правомерно ли сегодня, в XXI в., использовать это понятие, вряд ли полностью нейтральное? Есть ли другие варианты?

Исследователи феномена проституции, которая, как легко догадаться, никуда не исчезла и принимает самые разные формы, различают сегодня как минимум четыре парадигмы или модели ее осмысления и концептуализации — как отклонения (*deviation*), как угнетения (*oppression*), как сексуального труда (*sex work*) и как транзакционного/тактического секса/«секса по расчету» (*transactional/tactical sex*)². Хотя исторически эти парадигмы приходили на смену друг другу, некоторые из них могли сосуществовать параллельно и сосуществуют до сих пор. Наиболее устойчивая для Нового времени модель — отклонения/девиации, в рамках которой проституция и проститутки рассматриваются как явное отклонение от сексуальной и поведенческой нормы и, соответственно, криминализируются. Следуя именно этой модели, многие государства Европы и других регионов мира, в том числе и Россия, на протяжении XIX в. предпринимали попытки взять торговлю телом под государственный контроль и создавали для этого целую систему надзора и регистрации

¹ См. наиболее значительные исследования: *Либина Н.Б., Шкарковский М.В. Проституция в Петербурге (40-е годы XIX в. — 40-е годы XX в.)*. М.: Прогресс-академия, 1994; *Bernstein L. Sonia's Daughters: Prostitutes and their Regulation in Imperial Russia*. Berkeley: University of California Press, 1995; *Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина*. М.: Молодая гвардия, 2012; *Gerasimov I. Plebeian Modernity: Social Practices, Illegality and the Urban Poor in Russia, 1906–1916*. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2018.

² *Rodríguez García M., van Nederveen Meerkerk E., van Voss L.H. Selling Sex in World Cities, 1600s–2000s: An Introduction // Selling Sex in the City: A Global History of Prostitution, 1600s–2000s / M. Rodríguez García, E. van Nederveen Meerkerk, L. Heerma van Voss (eds)*. Leiden: Brill, 2017. P. 4–10. Здесь и далее история социальной регуляции проституции описывается с опорой на эту коллективную монографию.

(ее можно назвать регуляционизмом), в рамках которой сексуальные услуги и стали именоваться проституцией и наделяться особым смыслом как ненормальное, нездоровое и подчас даже порочное поведение. В качестве реакции на эту модель и как способ противостоять ей уже в XIX в. возникла контрпарадигма, оправдывающая поведение публичных женщин и призывающая увидеть в них несчастных жертв обстоятельств — иными словами, проститулируемых как бы помимо их собственной воли. Этот «искупающий» взгляд на «порочных» женщин складывался параллельно с развитием феминизма и зарождением движения за права женщин и остается тесно связан с ними и по сей день³.

Наряду с указанными в XX в. возникли и иные модели осмысления проституции, вызванные к жизни как существенным расширением и усложнением самого спектра коммерческих услуг и форм сексуальной торговли и обмена, так и включением в дискуссию самих продавщиц и продавцов своих тел. Отсюда у исследователей возникла необходимость различать насильственное/вынужденное занятие проституцией (включая крайнюю и наиболее бесчеловечную форму склонения к проституции — торговлю людьми и сексуальное рабство) и добровольный, транзакционный, или «тактический секс», который может принимать самые разные формы — от интернет-услуг до сексуального туризма и эскорта. Последние, как полагают некоторые исследователи и активисты, должны рассматриваться в рамках изучения рынка труда (а этот его сегмент, включая теневой, огромен), защиты трудовых прав, экономического и правового регулирования и т.д. Навешивание устарелых и глубоко укорененных в российской культуре ярлыков «проституция» и «проститутка» на современные и многообразные формы сексуальной торговли вряд ли продуктивно и едва ли приближает нас к пониманию причин устойчивости этого феномена.

Одним словом, понятия, которыми мы пользуемся для обозначения сферы обмена сексуальными услугами, отнюдь не нейтральны: они идеологически нагружены, и за каждым понятием стоит определенная система ценностей, а то и особая политика. Именно поэтому, прежде

³ В 2020 г. на Youtube-канале «Домашний» вышел документальный мини-сериал «Ночная смена» о жизни современных проституток и секс-работниц в различных городах России. Создатели попытались уйти от трактовки сексуальных услуг как проституции и предложили гораздо более сложную картину, предоставив слово самим героиням, а также представительницам движения секс-работниц «Серебряная роза». В том же 2020-м на канале more.tv состоялась премьера сериала «Чики», снятого в жанре комедийной драмы.

чем перейти к рассмотрению уникальных документов, которые лежат в основе предлагаемой читателю книги, важно оговорить, какие понятия в ней будут использоваться и почему.

Поскольку книга эта вовсе не о современной проституции, а о том, как жили и продавали сексуальные услуги женщины в Петербурге и Париже конца 1850-х — начала 1860-х годов, вполне исторически правомерно применять именно понятие «проституция» в качестве базового для обозначения сферы сексуального торга, подлежавшего регулированию и в России, и во Франции⁴. Однако когда речь пойдет о конкретных женщинах — героинях повествования, понятие «проститутка» не будет нами использоваться как чрезмерно нагруженное дополнительными негативными (морализирующими) коннотациями, указывающими на нравственные качества субъекта⁵. Вместо него я обращаюсь к «эмическому» (т.е. данному изнутри самого описываемого сообщества) и компромиссному словосочетанию «публичная женщина» и другим более или менее нейтральным синонимам, акцентирующим внимание на предоставлении сексуальных услуг, а не на моральных качествах женщин. Насколько это возможно, я стараюсь минимизировать осуждающий или оценивающий тон в повествовании и избегать распространенных в XIX в. мифов о публичных женщинах как якобы врожденно ущербных в нравственном плане, хотя подобные мифы и окажутся в зоне нашего внимания. При этом выбор такой стратегии отнюдь не означает, что я снимаю с героинь книги всякую ответственность за их поведение и возвращаюсь к дискурсу оправдания и искупления («падшие», «Магдалины XIX века», «погибшие, но милые созданыя», «грешницы» — вот далеко не полный перечень выражений, бывших в ходу в XIX столетии как в России, так и в других странах Европы⁶). Напротив, попытка придерживаться нейтрального

⁴ Как показывают источники (НКРЯ, google.books и медицинская литература), это понятие входит в широкое употребление в русском языке только начиная с 1860-х годов и распространяется из научной медицинской литературы в публицистику.

⁵ Ф.Г. Бланшетт напоминает, что понятие «проституция», «сутенер» и подобные им являются эмическими (emic) категориями, т.е. используемыми самими участниками изучаемых процессов. Именно это обстоятельство делает их нагруженными этическими и другими ценностными коннотациями. См.: *Blanchette Th.G. Seeing Beyond Prostitution: Agency and the Organization of Sex Work // Selling Sex in the City... P. 751.*

⁶ И.А. Ролдугина обратила внимание, что в материалах допросов публичных женщин в петербургском Калинкинском доме в 1750-е годы они ни разу не именовались «грешницами» или «падшими» (*Ролдугина И.А. «Бляцкие дома и непотребные женки и девки»: возникновение субкультуры проституции в*

словоупотребления расчищает путь к более взвешенному и непредвзятому анализу решений и поступков женщин, вовлеченных в сексуальный обмен, их саморепрезентации и эмоционального мира. Более того, ниже речь пойдет об их агентности (agency) — социологически понимаемой способности совершать выбор в предлагаемых обстоятельствах и действовать самостоятельно⁷. Публикуемые в книге письма предоставляют историку, социологу и культурологу богатый материал для описания и объяснения механизмов вовлечения в проституцию и ее потребления клиентами, которые, разумеется, являются не менее важным элементом системы торговли сексуальными услугами.

Итак, героини этой книги — жительницы Петербурга и Парижа, двух крупнейших мегаполисов Европы середины XIX столетия. В архиве известного русского критика Н.А. Добролюбова (ИРЛИ «Пушкинский Дом» РАН) сохранились письма от публичных женщин, с которыми у него были отношения разной степени длительности и серьезности⁸. Больше всего писем принадлежит перу двух женщин — Терезы Карловны Грюнвальд (Therese Grünwaldt) и Эмили Телье (Émilie Tellier), оставивших заметный след в биографии Добролюбова. Во второй части книги эти письма впервые публикуются в оригиналах и русских переводах без каких бы то ни было купюр. В дополнение к ним помещены несколько писем других, подчас безымянных женщин, которые оказывали критику услуги сексуального характера (парижанок Сарры, Адель и Марии, а также

Санкт-Петербурге в середине XVIII в. // Гендерные аспекты социогуманитарного знания-II. Материалы Второй Всероссийской научной конференции. Пермь, 2013. С. 228). Скорее всего, окрашенные христианскими коннотациями определения, объявляющие женщину, продающую тело, падшей и совершающей тяжкий грех, распространились в публичном дискурсе только в 1840–1850-е годы. О культурной мифологии падших женщин и моде на их спасение в середине XIX в. см.: *Вдовин А.В. Добролюбов: разночинец между духом и плотью. (Жизнь замечательных людей)*. М.: Молодая гвардия, 2017. С. 99–101.

Характерно, что уже в 1860-е годы в России начали появляться тексты, ставившие под сомнение идеологию спасения и перевоспитания публичных женщин. Так, в романе «Петербургские трущобы» В.В. Крестовский высмеял учреждение нравственных приютов-лечебниц, устраиваемых актрисой Лицедеевой. Попавшая в приют Маша Поветина отказывается признать себя «падшей» и ежедневно выслушивать проповеди о своей греховности (*Крестовский В.В. Петербургские трущобы. Т. 2. Л.: Худлит, 1990. С. 525*).

⁷ См., например: *Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко. Изд. 2-е. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. С. 43–48.*

⁸ Письма сохранились благодаря ближайшему другу и душеприказчику Добролюбова — Н.Г. Чернышевскому, разобравшему архив после смерти критика.

двух петербурженок — Клеманс и неизвестной женщины). Кроме того, для полноты картины в книгу включены также письма Т.К. Грюнвальд Н.Г. Чернышевскому и Е.Н. и А.Н. Пыпиным (его кузине и кузену)⁹. К сожалению, за исключением одного письма Чернышевского к Грюнвальд, вся переписка — односторонняя. Письма Добролюбова к женщинам не сохранились (часть его писем и вовсе погибла в пожаре на съемной квартире Грюнвальд еще при его жизни).

Культурная история проституции

Героинь нашей книги Терезу Грюнвальд, Эмилию Телье, Клеманс и других связывает между собой мужчина — Николай Александрович Добролюбов. Его личность традиционно была окружена в истории русской культуры ореолом святости. Многим еще со школы памятливы знаменитые строки из хрестоматийного стихотворения Н.А. Некрасова «Памяти Добролюбова» (1864):

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил...

Некрасов не стеснялся манипулировать биографическим материалом в угоду своему стремлению создать цельный образ аскетичного юноши-гения, отрешившегося от всего плотского и принесшего личную жизнь в жертву общественному служению¹⁰. Логика разночинского мифа о «новых людях» диктовала именно такие рамки. Однако обстоятельства реальной жизни одного из ведущих русских критиков, как и многих других разночинцев середины XIX в., лишь в весьма ограниченной степени соответствовали этому культурному мифу. В реальности же Добролюбов начал посещать бордели еще в конце 1856 г., во время обучения на последнем курсе петербургского Главного педагогического института (а возможно, и раньше) и продолжал это делать, с некоторыми перерывами, вплоть

⁹ Биографы Добролюбова давно знали об этих письмах. См. подробнее: *Вдовин А.В. Добролюбов... С. 95–99.*

¹⁰ О роли Некрасова в создании посмертного культа Добролюбова см. подробнее: *Вдовин А.В. Добролюбов... С. 235–245.*

до 1861 г., пока тяжело не заболел¹¹. Контакты Добролюбова с публичными женщинами не ограничивались, однако, разовыми посещениями: с некоторыми из них он стремился выстроить устойчивые отношения. Наиболее длительной оказалась связь критика с уже упомянутой Терезой Карловной Грюнвальд, которая сначала принимала его в борделе, а затем стала его сожительницей. По мере охлаждения отношений между ними Добролюбов начинает прибегать к услугам некоей Клеманс (ее письмо к критику также публикуется в настоящем томе). Можно предполагать, что у него были случайные связи и с другими публичными женщинами, но они не отразились в доступных нам источниках. Оказавшись в Париже, Добролюбов вступил в связь с публичной женщиной Эмилией Телье. Их отношения продолжались примерно полтора месяца, а переписка — почти полгода. Только в Италии автор статьи «Что такое обломовщина?» нашел женщину, судя во всему, из добропорядочной семьи и даже сделал ей предложение, из которого, правда, ничего не вышло¹².

В контексте мужской сексуальной морали XIX в. в таком поведении Добролюбова не было ничего необычного. Несмотря на официально декларируемое церковью и светской властью осуждение и публичных женщин, и тех, кто пользовался их услугами, рынок сексуальных услуг процветал. Более того, характерный для XIX в. так называемый двойной стандарт предписывал женщинам хранить целомудрие, а мужчинам — для поддержания физического здоровья до женитьбы (как минимум) пользоваться услугами публичных женщин. Подобные представления отразились в многочисленных мемуарах и художественных текстах той эпохи, в частности, в хрестоматийном анекдоте из пушкинского «Table-talk»: «Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. “Я женат”, — отвечал Рылеев. “Так что же, — сказал Дельвиг, — разве ты не можешь отобедать в ресторации потому только, что у тебя дома есть кухня?”»¹³. Дневник известного критика и беллетриста А.В. Дружинина пестрит упоминаниями о «разврате» (или «чернокнижии», как он его называл) и поездках по борделям. Наконец, Л.Н. Толстой, до свадьбы сам охотно и часто прибегавший к услугам публичных женщин и крестьянок Ясной Поляны, устами Позднышева дал в «Крейцеровой сонате» впечатляющий обзор

¹¹ Чернышевский так характеризовал Добролюбова в разговоре с отбывавшем вместе с ним каторгу Сергеем Стахевичем: «Добролюбов был очень влюбчив. Пассий у него было много» (Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. Ю.Г. Оксмана. Саратов: Сарат. кн. изд-во, 1959. С. 87).

¹² См. Вдовин А.В. Добролюбов... С. 220–221.

¹³ Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 7. С. 209.

наиболее типичных моделей сексуального поведения того времени, характерных для дворянской молодежи.

Похождения Добролюбова невозможно поэтому воспринимать как нечто уникальное. Если что и может поразить читателя, так это именно контраст между хрестоматийным образом сухого критика-демократа и реалиями жизни страстного юноши (напомним, он прожил всего 25 лет), искавшего не только сдельной, но и настоящей любви и семейного счастья. Противопоставление двух ипостасей Добролюбова — результат по-смертной мифологизации его личности и побочный продукт его культа, насаждавшегося с легкой руки Чернышевского и Некрасова¹⁴. При жизни критик, хотя и был буквально раздираем противоречиями между духом и плотью, разумом и страстями, все же пытался их примирить между собой с помощью напряженной рефлексии, хотя и безуспешно.

Расспрашивая несчастных обитателей публичных домов об их жизни, Добролюбов мучительно размышлял над тем, как уйти от однозначно осуждающего и криминализирующего разговора о проституции и разработать более гибкий подход к ее описанию. Здесь необходимо привести обширную выдержку из дневника критика:

Признаюсь, мне грустно смотреть на них, грустно, потому что они не заслуживают обыкновенно того презрения, которому подвергаются. Собственно говоря, их торг чем же подлее и ниже... ну хоть нашего учительского торга, когда мы нанимаемся у правительства учить тому, чего сами не знаем, и проповедовать мысли, которым сами решительно не верим? Чем выше этих женщин кормилицы, оставляющие собственных детей и продающие свое молоко чужим, писцы, продающие свой ум, внимание, руки, глаза в распоряжение своего секретаря или столоначальника, фокусники, ходящие на голове и на руках и обедающие ногами, певцы, продающие свой голос, то есть жертвующие горлом и грудью для наслаждения зрителей, заплативших за вход в театр, и т.п.? И здесь, как там, вред физиологический, лишение себя свободы, унижение разумной природы своей... Разница только в членах, которые продаются... Но там торговля идет самыми священными чувствами, дело идет о супружеской любви!.. А материнская любовь кормилицы разве меньше значит?.. А чувство живого, непосредственного наслаждения искусством — разве не так же бессовестно продавать? Певец, который тянет всегда одинаково, всегда одну заученную ноту, с одним и тем же изгибом голоса и выражением лица — и притом не тогда, когда ему самому хочется, а когда требует публика, актер, против своей воли обязанный смешить других, когда у него кошки скребут на сердце, — разве они вольны в своих чувствах, разве они не так же и даже еще не более жалки,

¹⁴ См. подробнее: Вдовин А.В. Добролюбов... С. 239–264.

чем какая-нибудь Аспазия Мещанской улицы или Щербакова переуллка? Эти по крайней мере не притворяются влюбленными в тех, с кого берут деньги, а просто и честно торгуют... Разумеется, жаль, что может существовать подобная торговля, но надобно же быть справедливым... Можно жалеть их, но обвинять их — никогда!¹⁵

В этой дневниковой записи многое примечательно. Держа в уме основные парадигмы осмысления проституции, нельзя не заметить здесь мотивы, характерные для сразу двух из них — для парадигмы угнетения и парадигмы сексуального труда. Добролюбов, который, как и следовало ожидать, ни разу не пользуется в своих дневниках и письмах словами «проституция» или «проститутка», сначала выводит торговлю телом из зоны заведомо осуждаемого, а затем вводит ее в круг других видов трудовых отношений (по аналогии с трудом артистов, критиков, репетиторов и т.п.). Кроме этого, критик, не понаслышке знавший о том, в каких реальных условиях работают эти женщины, затронул в своих записях широкий спектр острых проблем, которые в полной мере были осознаны только в XX и XXI вв.¹⁶ Осознание это стало возможным в первую очередь благодаря развитию гендерной теории и истории, а также истории повседневности, которые начиная с середины XX в. постепенно сделали женское письмо и женскую субъектность полноправным предметом антропологических, социологических, исторических, культурологических, литературоведческих и других исследований¹⁷. Когда речь идет о

¹⁵ Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. Б.И. Бурсова и др. Т. 8. М.; Л.: Гослитгиздат, 1964. С. 510–511.

¹⁶ Об эмансипаторных проектах и идеологии разночинцев 1850–1860-х годов см.: *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. М.: РОССПЭН, 2004; *Айвазова С.Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998. С. 39–65; *Пушкарева Н.Л.* «Мы не удовлетворены, потому что мы идеалисты...»: отношение к теме сексуального в среде революционеров-демократов XIX века // *Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н.* Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 270–280.

¹⁷ Очерк истории западной гендерной теории и ее российской адаптации см.: *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007; *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX века. СПб.: Алетейя, 2014. С. 17–64. Больше всего исследований женской повседневности представительниц разных сословий России XIX в. написано о представительницах дворянского и крестьянского сословий, хотя за последние десятилетия появились работы и о других сословиях и стратах. См.: *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — нач. XIX в.). М.: Ладомир,

повседневности и жизненных практиках публичных женщин середины XIX в., задача усложняется вдвойне, поскольку на традиционную для гендерных исследований проблематику накладывается специфика именно этой депривированной и вдвойне маргинализованной социальной группы. Разумеется, серьезное исследование, непротиворечиво и методологически корректно объединяющее эти две оптики, сложно развернуть на материале писем лишь двух женщин, причем женщин, принадлежащих географически и социокультурно удаленным друг от друга пространствам (Петербурга и Парижа)¹⁸. Основное внимание при подготовке этого тома было решено поэтому сосредоточить все-таки на практиках, связанных с проституцией; тем не менее, по мере возможности, гендерная оптика также будет так или иначе «включаться», когда речь пойдет о телесности и эмоциональности героинь книги.

Говоря о проституции, исследователи сегодня настаивают на разработке в первую очередь ее «культурной истории» как совокупности повседневных практик сексуального обмена, в который вовлечено множество акторов (клиенты, посредники, торговцы, хозяева публичных домов, полиция, поставщики разного рода, арендодатели и многие другие), а отнюдь не только женщины. Более того, понимание проституции как культурно и социально обусловленного явления закономерно предполагает ее рассмотрение в увязке с целым спектром смежных областей и дисциплин — истории искусства, этики, потребления, изучения семьи, индустрии развлечений, туризма, спорта, гендерных истории и теории, городских исследований, истории сексуальности, преступности, гражданства, идентичности и др.¹⁹

Данная книга, конечно же, не может претендовать на роль такого рода истории проституции в России. Моя задача гораздо скромнее — в первую очередь ввести в оборот полезные для исследователей и интересные для широкого читателя эго-документы середины XIX столетия и предложить, под каким углом зрения на них можно смотреть и

1997; *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002; *Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сб. ст. / отв. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева.* М.: Новое литературное обозрение, 2013; и др.

¹⁸ Особую сложность представляла бы попытка расширить описываемую нами картину, чтобы учесть также малочисленные свидетельства о различных формах мужской проституции в России XIX в.

¹⁹ См. программную статью: *Agustin L.* New Research Directions: The Cultural Study of Commercial Sex // *Sexualities.* 2005. Vol. 8. P. 618–631.

как именно их стоит использовать для изучения обозначенной выше проблематики.

В первую очередь эти письма — яркий исторический источник, доносящий до нас из прошлого голоса представительниц низших сословий, которые крайне редко доходят до будущих поколений. В русской историографии найдется очень мало опубликованных документов личного происхождения — писем, дневников и мемуаров²⁰, — позволяющих расслышать эти голоса и выстроить на их основе какой бы то ни было связный биографический рассказ о повседневной жизни женщин, торговавших собой в Российской империи. Обычно историкам приходится опираться не на автобиографические, а на косвенные свидетельства — полицейские и медицинские отчеты (в том числе специальных больниц для проституток)²¹, протоколы врачебных освидетельствований, материалы судебных процессов, мемуары, мнения публицистов-современников, феминисток, художественные (так называемые физиологические) и этнографические очерки и даже романы — например, знаменитые «Петербургские трущобы» В.В. Крестовского или повесть «Яма» А.И. Куприна. Более того, даже если в распоряжении исследователей и оказываются какие-либо документы (официальные или личные) публичных женщин, в большинстве случаев они связаны с зарегистрированными («билетными») и с камелиями-содержанками. Именно эти две категории больше всего «видимы» и различимы на карте проституции XIX столетия, поскольку первые с 1843 г. подлежали официальному контролю и были объектом статистической отчетности, а вторые, как правило, были грамотными и часто жили на содержании у известных и/или обеспеченных людей, в архивах которых и могли откладываться письма этих дам полусвета²². Другие же

²⁰ Для сравнения, историки французской проституции обращаются к мемуарам Элизабеты-Селесты Венар, графини де Шабрилан, более известной по сценическому псевдониму Селеста Могадор, которая в юности некоторое время была вынуждена зарабатывать проституцией.

²¹ См., например: Ролдугина И. Открытие сексуальности: Трансгрессия социальной стихии в середине XVIII в. в Санкт-Петербурге: по материалам Калининской комиссии (1750–1759) // *Ab Imperio*. 2016. № 2. С. 29–69; *Fedyukin I. Sex in the City that Peter Built: The Demimonde and Sociability in Mid-Eighteenth Century St. Petersburg* // *Slavic Review*. 2017. Vol. 76. No. 4. P. 907–930; *Connor S.P. The Paradoxes and Contradictions of Prostitution in Paris* // *Selling Sex in the City...* P. 174.

²² Пример работы с первым типом источников (прошениями зарегистрированных публичных женщин) представлен в книге: *Hearne S. Policing Prostitution. Regulating the Lower Classes in Late Imperial Russia*. Oxford: Oxford University Press, 2021 (глава 1). Благодарю автора за возможность познакомиться с

категории женщин, оказывавших сексуальные услуги, но не регистрировавшихся органами врачебно-полицейского надзора (как в России, так и во Франции), т.е. фактически свободных, почти не оставили после себя письменных свидетельств и нам сегодня практически не видны. Более того, многими врачами и администраторами XIX в. эти «тайные проститутки» могли рассматриваться вовсе не как публичные женщины, а как «торгующие телом», или, говоря современным языком, предоставляющие сексуальные услуги по собственному желанию, и тем самым как бы выпадают из зоны того, что считалось проституцией в узком смысле слова.

В этом смысле письма, публикуемые в предлагаемом читателю томе, воскрешают быт, повседневность и эмоции той части женского населения Петербурга и Парижа, которая сложнее всего поддается описанию и изучению. Ниже я попытаюсь проанализировать, хотя бы в первом приближении, повседневную жизнь Т.К. Грюнвальд и Э. Телье, их эмоциональный мир, стратегии саморепрезентации и, насколько возможно, проявления их женской телесности. Меняется угол зрения — и источник начинает говорить, сообщая нам то, что не было очевидно ранее. В этом смысле письма потенциально богаты содержанием, которое может быть по-разному интересно специалистам, представляющим самые разные области знания. При этом письма, разумеется, интересны и сами по себе — как личные документы, свидетельства исторически конкретного частного опыта во всем многообразии его проявлений.

Наконец, кратко обозначенные современные подходы к изучению феномена проституции позволяют дать более логичное и непредвзятое объяснение поведению Терезы Карловны Грюнвальд и Эмили Телье. Обе женщины, скорее всего, не были зарегистрированы в системе надзора, а Тереза с момента ее ухода из дома терпимости благодаря помощи Добролюбова и вовсе изменила статус, по крайней мере на какое-то время, и стала жить на содержании у возлюбленного, поэтому вряд ли к ней применим один и тот же ярлык на всем протяжении ее жизни. Поведенческие, мировоззренческие, риторические и эмоциональные модели, проявляющиеся в публикуемых письмах, могли меняться во времени и, в случае Терезы, явно эволюционировали, что побуждает нас отрешиться от готовых формулировок и увидеть сложный и противоречивый человеческий опыт. Однако прежде чем говорить о сложных и не поддающихся

рукописью книги до ее выхода. Пример второго подхода см.: Письма Селины Поттше-Лэфрен к Николаю Некрасову / публ. и коммент. М.Ю. Степиной // Карабиха: Ист.-лит. сборник. Вып. V. Ярославль, 2006. С. 187–195.

однозначной трактовке аспектах их жизни, нужно познакомить читателя с биографиями двух главных героинь этой книги.

Биография Терезы Карловны Грюнвальд

«Разговорить» источники и документы и рассказать как можно более полную историю жизни Терезы Карловны Грюнвальд оказалось непросто²³. Благодаря ее письмам к Добролюбову можно хотя бы в общих чертах восстановить фактическую канву ее биографии, а также представить себе речевую стилистику, интонацию, уровень образования этой женщины. Другим важным источником для биографической реконструкции являются дневники Добролюбова и его переписка с Чернышевским и другими близкими друзьями, которые были знакомы с Грюнвальд²⁴.

Тереза Карловна родилась 19 февраля²⁵ в конце 1830-х годов: точный год ее рождения установить не удалось, но из дневника Добролюбова нам известно, что в начале 1857 г. ей не было и 20 лет. Родным языком Грюнвальд был немецкий, на котором она изъяснялась гораздо свободнее и правильнее, чем на русском. Можно предположить, что вероисповедания она была лютеранского. Вероятность того, что Грюнвальд происходила из остзейских немцев Эстляндии или Лифляндии, совсем небольшая — никаких подтверждений этому ни в ее письмах, ни в архивных источниках не находится. Возможно, она происходила из петербургских немцев. Ценнейшее свидетельство о ранних годах Грюнвальд оставил Н.Г. Чернышевский:

²³ В частности, я не предпринимал поисков метрических записей о рождении Грюнвальд в архивах Санкт-Петербурга. С одной стороны, такая работа чрезвычайно трудоемка, а с другой — ее результат с самого начала совершенно непредсказуем (например, легко допустить, что Грюнвальд родилась не в Петербурге).

²⁴ Должен признать, что реконструкция биографии Т.К. Грюнвальд оказалась для меня нетривиальной задачей. Если в биографии Добролюбова (Вдовин А.В. Добролюбов...) истории Грюнвальд и Телье были рассказаны преимущественно с точки зрения Добролюбова (по крайней мере, в перспективе его биографии), то здесь мне пришлось полностью перестроить оптику, изменить фокус, встав на их точку зрения, отрешиться от некоторых привычных представлений. В связи с этим одни и те же эпизоды в книге о Добролюбове и здесь могут оцениваться и трактоваться диаметрально противоположным образом. Сначала этот факт привел меня в замешательство, но по мере написания книги я утвердился в мысли, что это нормальная ситуация, которая и позволяет нам учитывать и познавать чужой опыт, неочевидный для нас и требующий усилий для того, чтобы быть прочувствованным.

²⁵ См. письмо № 22 на с. 127, в котором Грюнвальд упоминает свой день рождения.

из его письма следует, что торговать собственным телом она была вынуждена в силу резкого перелома в положении ее семьи:

Он (Добролюбов) отзывался мне о ней так: она слишком простодушна; ее могут обирать всякие плутовки, и несколько раз выманивали у ней деньги. Очень возможно и вероятно, что дело в этом. Ее история (кстати) романична: до 12 лет она хорошо воспитывалась, изобильно жило ее семейство, потом стало [sic]²⁶. Расспрашивать ее об этом не годится — это больно ей: родные мерзко поступали с ней, — очень, очень²⁷. Это я знаю не по ее только рассказам, а также и от Добролюбова, который мне никогда не лгал (письмо Е.Н. Пыпиной 9 августа 1863 г.)²⁸.

Не будет большим преувеличением предположить, что в силу каких-то обстоятельств семья Грюнвальд потерпела финансовый крах. Глухой намек Чернышевского — «родные мерзко поступали с ней» — заставляет думать о худшем сценарии: возможно, родители сами вынудили дочь идти на заработки наиболее простым, как им казалось, способом — проституцией. Однако до 12 лет, если верить старшему товарищу Добролюбова, Тереза успела получить какое-то, вероятно, домашнее образование, причем довольно неплохое. Помимо родного немецкого, она овладела русским и изъяснялась на нем вполне свободно, хотя и с незначительными грамматическими ошибками, как это видно из ее писем. Уже сам факт, что девушка умела свободно писать, т.е. владела двумя письменными языками, в самом деле говорит о том, что в ее семье понимали значение грамоты и чтения. С большой вероятностью можно утверждать, что привычка читать у Терезы могла быть сформирована еще в детстве. Занятие проституцией выбило ее из привычного быта, но после знакомства с Добролюбовым она возобновила чтение: уже в первый год их знакомства начинающий критик стал приносить ей на квартиру книги²⁹, а с конца 1859 г. в ее письмах к Добролюбову все чаще появляются просьбы прислать какие-либо русские книги и учебники («пришли мне русских книг почитать», письмо № 15). В 1860 г., сокрушаясь о том, что постепенно забывает русский, Тереза писала ему из Дерпта: «Здесь совсем не говорят по-русс[ки], и невозможно достать русс[ких] книг, я бы с удовольствием почитала К[олокол], Совр[еменник]

²⁶ Сверено по подлиннику в РГАЛИ — так.

²⁷ Над строкой приписано мелко-мелко: «Говорить о Добролюбове с ней конечно можно». РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 567. Л. 5 об.

²⁸ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 14. М.: Гослитиздат, 1939–1953. С. 486. Важно добавить, что в данном случае мы имеем дело со сложным феноменом: прошлая жизнь Грюнвальд известна нам только в ее рассказе, дошедшем до нас в передаче Добролюбова и Чернышевского.

²⁹ Добролюбов Н.А. Собрание сочинений. Т. 8. С. 568.

или От[ечественные] Зап[иски]» (письмо № 25, с. 136). Не исключено, конечно, что сказано это было для того, чтобы польстить Добролюбову, от которого женщина продолжала финансово зависеть, но вряд ли подлежит сомнению тот факт, что три года в каком-то смысле совместной жизни с критиком, разговоры и общение с ним подталкивали Грюнвальд и к чтению ведущих русских «толстых» журналов того времени.

О семье Грюнвальд нам почти ничего не известно. Единственный раз она упоминает об отце в письме к Добролюбову, где рассказывает о своей тяжелой болезни, во время которой решила просить отца о помощи (письмо № 4):

Отец мне ответил только тем, что сейчас мне помощи нет, что слишком скоро нужно, я к нему посылала 2 раза. 1ый раз он сказал, что скоро будет сам или письмом ответит мне. А 2ой раз он сказал, чтобы я подождала, что ему самому много нужно (с. 101).

Трудное финансовое положение семьи не способствовало укреплению родственных связей. Поддерживала общение Грюнвальд только с двоюродной сестрой, которую, возможно, звали Ольгой Александровной (см. примеч. 49 на с. 105). Накануне отъезда в Дерпт Тереза оставила ей какие-то предметы мебели, купленные, предположительно, при финансовом участии Добролюбова (письмо № 44). В письме Чернышевскому 1863 г. (№ 48) Грюнвальд утверждала, что в Петербурге у нее есть и «тетушка», однако никаких других подтверждений этому у нас нет.

Все эти детали складываются в общую картину одиночества и оставленности: как можно предполагать, Тереза Карловна чувствовала себя в каком-то смысле сиротой в таком мегаполисе, как Петербург, и ощущение это должно было быть особенно острым до встречи с привязавшимся к ней студентом Добролюбовым (тоже, к слову сказать, сиротой). Неудивительно, что когда к 1860 г. их отношения исчерпали себя, Грюнвальд решила уехать на поиски лучшей доли из Петербурга в Дерпт: в столице ее больше ничто не держало.

Сложно сказать, как Тереза Карловна оказалась на «квартире» у «тетки», как называли хозяек помещений, где девушки принимали клиентов. Русская литература 1860-х и медико-статистические отчеты врачей 1870-х годов описывают множество путей, приводивших девушек и женщин к необходимости оказывать сексуальные услуги. Все, что известно о жизни Терезы в 1856–1857 гг., до того, как Добролюбов помог ей выбраться из «бардака» (так в его дневнике и в просторечии того времени именовались бордели или квартиры, на которых жили и торговали собой женщины), сводится к нескольким пространственным записям Добролюбова

в дневнике 1857 года. В них он описывал черты характера Грюнвальд, ее внешность, особенности быта и свои к ней визиты. Публичная женщина предлагала свои услуги на частной квартире в доме купца Никитина (судя по всему, это здание, хотя и перестроенное в 1882 г., сохранилось на пересечении Садовой и набережной Крюкова канала на Покровском острове³⁰), где жила вместе с Юлией и Наташей. В глазах начинающего критика Тереза предстала особой, приятной и внешностью, и характером — «с ней можно бы жить и ужиться»³¹.

Каждый визит к Терезе стоил Добролюбову 2–3 рубля, что было немало по ценам того времени: для сравнения, поездка на извозчике обходилась ему в 45 копеек, булка (т.е. хлеб) — 6 копеек, фотография — 4 рубля³². Цена, которую за ночь просила Грюнвальд, указывает на ее принадлежность к средней категории публичных женщин, не очень дорогих, но и не дешевых³³. Пока Тереза принимала на частной квартире, она, возможно, относилась к разряду одиночек, т.е. «свободных» проституток, принимавших клиентов в домах свиданий, частных квартирах, а не в борделях, тем самым, возможно, уклоняясь от обязательного врачебного контроля и постановки на учет (точного статуса Грюнвальд мы не знаем)³⁴. Визиты Добролюбова могли быть кратковременными (несколько часов), но чаще он приезжал к вечеру, чтобы остаться на ночь, и тогда мог наблюдать и нередкие стычки между обитательницами квартиры, и быстрые примирения³⁵. Напившись утром кофе, Добролюбов уезжал в институт или по другим делам. В начале февраля 1857 г., когда студент в очередной раз приехал в дом Никитина и не обнаружил там Грюнвальд, он воспользовался услугами Оли, жившей на той же квартире³⁶.

³⁰ Современный адрес: Набережная Крюкова канала, 21/ул. Садовая, 64. Этот район назывался тогда Коломной и был сформирован в основном типовой застройкой, где селились представители средних и низших классов.

³¹ Добролюбов Н.А. Собрание сочинений. Т. 8. С. 510.

³² Если в января по апрель 1857 г. он ездил к ней два-три раза в месяц, то в мае посещал ее уже каждую неделю (Ямпольский И. Бюджет Н.А. Добролюбова // Литературное наследство. Т. 25–26. М.: Жур.-газ. объединение, 1936. С. 347–352).

³³ О стандартных ценах 1860-х — начала 1880-х годов см.: Hetherington P.L. Prostitution in Moscow and St. Petersburg, Russia // Selling Sex in the City... P. 146.

³⁴ Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге. Гл. 1; Stites R. Prostitute and Society in Pre-Revolutionary Russia // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 1983. Bd. 31. Hf. 3. P. 23–24.

³⁵ Добролюбов Н.А. Собрание сочинений. Т. 8. С. 553–554.

³⁶ Добролюбов Н.А. Дневники. М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. С. 175.

Стоит отметить, что в первые полгода Добролюбов и Грюнвальд скорее всего не знали подлинных имен и фамилий друг друга: по широко распространенной традиции посетители домов терпимости представлялись вымышленными именами, равно как и женщины выдумывали себе новые, подчас более экзотические, чтобы они лучше запоминались клиентам. Считается, что Тереза представлялась Машенькой, поскольку обозначена в дневнике Добролюбова 1857 года литерой «М»³⁷. Сам критик упоминает в дневнике и другие примеры такой практики. Так, например, Грюнвальд принимала двух «молодых людей», ходивших к ней, «по обыкновению скрывая свое имя»³⁸. Жившая вместе с Терезой Саша на поверку оказалась вовсе не Сашей: «Хотя она называется Александра Васильевна, но у нее тоже немецкий тип, отчасти немецкий акцент в произношении некоторых слов, и она, должно быть, немка»³⁹. Женщина, с которой Добролюбов утешался после разрыва с Грюнвальд, звалась на французский манер Клеманс, хотя она тоже была немкой (см. ее письмо Добролюбову № 51), а Тереза, судя по всему, зная ее лично, в письмах Добролюбову именовала ее вдобавок еще и Катериной (см. с. 130).

Клиентов на квартиру, где принимали Грюнвальд, Юлия и Наташа, по свидетельству Добролюбова, ходило немало — студенты, офицеры, петербургские немцы, статские:

С некоторого времени к ней ходит больше знакомых, чем прежде. Это мне почему-то не нравится, хоть я и знаю, что мне, собственно, до нее никакого дела нет, пока я не прихожу к ней. А при мне, разумеется, она прогоняет от себя своих гостей. Она очень добра и не слишком падка на деньги. От лишнего рубля она не увеличивает своих любезностей, а остается мила по-прежнему, как обыкновенно. Со мной она внимательна до того, что замечает самую легкую мою задумчивость. Каждый раз она передо мной оправдывается в своей жизни, грустит и мечтает...⁴⁰

Воспитанность и какое-то внутреннее благородство, очевидно, и привлекали к Грюнвальд клиентов вроде Добролюбова — молодых и

³⁷ В 1936 г. А.П. Скафтымов, сопоставив все известные сведения, убедительно доказал, что «М.» — это Т.К. Грюнвальд (*Чернышевский Н.Г. Пролог / подг. текста и коммент. А.П. Скафтымова. М.; Л.: Academia, 1936. С. 504–514*). Однако важно отметить, что публикаторы дневника Добролюбова и в 1931 г., и позднее в Собрании сочинений не привели никаких аргументов, почему «М» следует расшифровывать именно как «Машенька», а не как-то иначе — например, как «Mamachen» («Мамочка»), как сама Тереза именуется в одном из немецких писем.

³⁸ Добролюбов Н.А. Собрание сочинений. Т. 8. С. 533.

³⁹ Там же. С. 554.

⁴⁰ Там же. С. 511.

прогрессивно мыслящих студентов, которые, помимо удовлетворения физиологических потребностей, всегда были не прочь поговорить и порассуждать. Будущий критик так описывал в дневнике разговоры с Терезой и другими подобными ей публичными женщинами:

И всего ужаснее в этом то, что женский инстинкт понимает свое положение, и чувство грусти, даже негодования, нередко пробуждается в них. Сколько ни встречал я до сих пор этих несчастных девушек, всегда старался я вызвать их на это чувство, и всегда мне удавалось. Искренние отношения устанавливались с первой минуты, и бедная, презренная обществом девушка говорила мне иногда такие вещи, которых напрасно стал бы добиваться я от женщин образованных. Большею частью встречаешь в них горькое сознание, что иначе нельзя, что так их судьба хочет и переменить ее невозможно. Иногда же встречается что-то вроде раскаяния, заканчивающегося каким-то мучительным вопросом: что же делать?⁴¹

Однако далеко не все клиенты оказывались способными на сочувственное отношение к публичным женщинам. Разумеется, чем больше посетителей разных сословий и статусов было у женщины, тем больше был риск подвергнуться насилию. Случалось это и с Грюнвальд. Добролюбов с ее слов описал, как однажды два молодых человека, поочередно ходившие к ней, обнаружили друг друга и оказались родными братьями. Пострадавшей от этого открытия вышла Тереза: они побили ее, отчего на ногах остались синяки⁴².

Образ жизни даже «свободных» бланковых публичных женщин был не только опасен, но и нестабилен. Над женщинами всегда висела угроза заболеть и войти в долги к хозяйке квартиры, еще больше запутаться. Нечто похожее произошло и в жизни Грюнвальд спустя полтора-два месяца после знакомства с Добролюбовым. Придя, как обычно, на ее квартиру в доме Никитина 2 февраля 1857 г., он не нашел там своей «М[ашеньки]». Узнав у «тетки» (т.е. хозяйки) новый адрес Терезы, Добролюбов отправился по нему на Екатерингофский проспект (сейчас пр. Римского-Корсакова) в дом Михайлова, что было совсем недалеко от Крюкова канала, не более 20–30 минут пешим ходом⁴³. Здесь на одной из квартир у мадам Битнер тогда располагался «бардак» — настоящий бордель, в котором царили более строгие порядки, нежели на предыдущей квартире Терезы. Девушки должны были «идти с тем, с кем мадам

⁴¹ Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. Т. 8. С. 510.

⁴² Там же. С. 533.

⁴³ Там же. С. 557. Эта часть Екатерингофского проспекта была в то время известным местом на карте петербургской проституции. См.: Князькин И. История петербургской проституции. СПб.: Балтика, 2003. С. 424.

прикажет»⁴⁴. Добролюбов подробно описывает, как был устроен бордель и комната Грюнвальд в нем:

Вход довольно сносно устроен. Из него видна прямо зала, не очень обширная, даже довольно тесная, занятая с одной стороны огромным роялем, — а направо и налево узенькие, простенькие двери... В одной из них, налево, я увидел М[ашеньку]⁴⁵. Она вскрикнула и просияла, увидевши меня, и тотчас бросилась мне на шею, а потом побежала в другую комнату и закричала: «Мари!.. вот, смотри, студент, о котором я тебе говорила...» — «Так ты обо мне говорила?...» <...> Мы пробыли в зале минуты две: в ней обычные в таких домах кисейные занавески на окнах, большие зеркала по стенам, мебель в чехлах, рояль, а за ним старик в сюртуке — музыкант... Я было хотел идти в следующую комнату, которая идет назад из залы, но М[ашенька] меня не пустила, сказавши, что это нельзя, и утащила в свою спальню. Спальня эта занимает аршина три квадратных; в ней стоит кровать с пологом, напротив ее комод с зеркалом, а между ними окно, и у окна единственный стул...⁴⁶

Именно в этом борделе с февраля по начало июня 1857 г. жила и работала Тереза, и все это время Добролюбов ездил к ней 2–3 раза в месяц. Их взаимная привязанность постепенно росла и выражалась с обеих сторон: у него — рефлексией по поводу своих чувств к ней и перспективы их отношений; у нее — скорее всего, тягостными размышлениями о невозможности вырваться из замкнутого круга. Растущая симпатия, а возможно, и любовь Грюнвальд к Добролюбову проявилась, в частности, в страстном желании иметь у себя его фотографию⁴⁷. Их встречи, судя по плохо сохранившимся дневниковым записям Добролюбова, были мелодраматичными:

«Здесь ты должна идти с тем, с кем мадам прикажет...». Сказавши это, я отвернулся к окну и стал разглядывать занавеску... Вдруг слышу — мне на руку падает горячая слеза, потом другая, третья... Я взглянул М[ашеньке] в лицо — она неподвижно смотрит на дверь и плачет... Этому уж я, конечно, не в состоянии противиться, хотя и знаю очень хорошо, что на эти слезы смотреть нечего, что это так только — одна минута... Я принялся утешать М[ашеньку] словами и поцелуями и наконец начал упрашивать, чтобы она не сердилась на меня, на что она отвечала мольбами ходить к ней... «А то я совсем опускаюсь, — говорила она каким-то сосредоточенно-грустным тоном, — пить стану...»⁴⁸

⁴⁴ Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. Т. 8. С. 557.

⁴⁵ Квадратные скобки здесь и далее добавлены мной. — А. В.

⁴⁶ Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. Т. 8. С. 557.

⁴⁷ Там же. С. 567.

⁴⁸ Там же. С. 557.

26 мая 1857 г. Добролюбов даже оставил Грюнвальд записку со своим адресом, чтобы она могла писать ему. Это был первый момент в их отношениях, когда он пересек черту, за которой молодой человек переставал быть просто покупателем сексуальных услуг. Однако на протяжении нескольких последующих недель писем от Грюнвальд почему-то не было. Обеспокоенный этим обстоятельством, Добролюбов поспешил в дом Михайлова, но Терезы там не нашел: оказалось, что, задолжав мадам Битнер 25 рублей за квартиру, она вынужденно поступила в другой публичный дом мадам Бреварт, известный Добролюбову под именем «деревянного»⁴⁹. По косвенным данным можно предполагать, что худшие условия у Бреварт и все большая взаимная привязанность привели к тому, что в середине июня 1857 г., скорее всего, произошло никак не документированное «спасение» Грюнвальд: Добролюбов оплатил за нее 25 рублей долга и снял для нее комнату: «Дошло до того, что я решился с сентября месяца жить вместе с ней и находил, что это будет превосходно. Я даже сказал ей об этом, и она согласилась с охотой...»⁵⁰. В письме приятелю Александру Златовратскому в июне 1857-го Добролюбов намекал, что ему крайне нужны деньги, поскольку от них зависит теперь его «прочное счастье, которого достанет, может быть на несколько лет моей жизни»⁵¹. Первый публикатор и комментатор переписки критика Н.Г. Чернышевский не без основания полагал, что речь в этих строках идет об уплате долга Терезы. Надо сказать, что у Добролюбова перед глазами (а не только умозрительно — из книг) были аналогичные примеры спасения «падших»: его знакомый студент Евлампий Лебедев на рубеже 1856–1857 гг. спас таким образом некую Екатерину Ясунову⁵². Получив место домашнего репетитора у князя Куракина и рассчитывая на постоянную занятость с осени 1857 г. в журнале «Современник», Добролюбов, очевидно, не боялся роста расходов и необходимости теперь содержать не только себя самого, но и Терезу. Возможно, он надеялся, что она сможет зарабатывать какой-либо ручной работой, вести его хозяйство, готовить, чинить белье (позже так и вышло). Осмыслить принятое им решение «спасти» Грюнвальд Добролюбов пытался в стихах: в период с января по июль 1857 г. он написал семь стихотворений, образующих своего рода «грюнвальдский цикл», в котором нестандартно для поэзии того времени развивается тема отношений между лирическим героем и «падшей»⁵³.

⁴⁹ Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. Т. 8. С. 569.

⁵⁰ Там же. С. 567.

⁵¹ Там же. С. 278.

⁵² Добролюбов Н. А. Дневники. С. 176.

⁵³ См. подробнее: Вдовин А. В. Добролюбов... С. 106–110.

Хотя единичные случаи «спасения» девушек из борделей и были описаны в медико-статистических работах XIX в., а в публицистике и романах 1860-х годов спасение падших женщин стало символом демократической идеологии, возможность покинуть публичный дом в то время была крайне редкой⁵⁴. Так, за 1853–1858 гг. лишь 0,62 процента проституток из домов терпимости вышли замуж, а совсем оставили «профессию» только 1,66 процента⁵⁵. По сведениям доктора В.М. Тарновского (1879), в среднем только одна из каждых десяти женщин, ушедших из домов терпимости и устроившихся на другую работу, осталась на новом месте, еще одна умерла, а остальные вернулись к привычному делу⁵⁶. Таким образом, спасение Терезы Добролюбовым — факт скорее экстраординарный. Если верить признаниям самой Грюнвальд и сохранившимся документам, о которых речь еще впереди, по крайней мере до 1863 г. Тереза не возвращалась к прежнему занятию. Вот как она сама оценивала свое «спасение» в письмах Добролюбову 28 марта и 18 октября 1860 г.:

Я все думаю, мой ангел, о прошлом, о беспокойстве и заботе, которые я к тебе проявляла, со времени нашего знакомства, но поверь, мой дорогой ангельчик, что я временами была очень-очень счастлива, только мое счастье и радость моя были тихими, ты не мог их замечать. Да и как могла я не быть счастлива — ты дал мне, мой дорогой Колинька, новую жизнь. Что бы я была без тебя. Ты был мне как отец, как хороший отец, когда все меня оттолкнули, ты принял меня и сделал счастливой (письмо № 26, с. 139).

Ах, Колинька! ведь это так печально, я же всю жизнь страдала, пока не узнала тебя. Но до того как с тобой познакомилась, с того времени я сделалась совершенно другим человеком. Ты был моим благодетелем, моим спасителем, а сейчас, когда мне в последний раз нужна твоя помощь, именно сейчас ты мне отказываешь, тебе же легче взять в долг, чем мне (письмо № 37, с. 170).

Важно отметить, что эти письма не только написаны уже после окончательного расставания Грюнвальд с Добролюбовым, но и по-немецки — на родном языке, который позволял Терезе во всей полноте выразить волнующие ее чувства и мысли. Благодарность Николаю

⁵⁴ См.: Очерк проституции в Петербурге. СПб., 1868. С. 74; Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. СПб., 1888. С. 164–165; Бентовин Б.И. Торгующие телом // Русское богатство. 1904. № 12. С. 165; Шашков С.С. Исторические судьбы женщин, детоубийство и проституция. СПб., 1872. С. 553.

⁵⁵ См.: Кузнецов М.Г. Проституция и сифилис в России: Историко-статистические исследования. СПб., 1871. С. 104.

⁵⁶ См.: Тарновский В.М. Указ. соч. С. 149.

Александровичу — лейтмотив почти всех ее сохранившихся писем, что не исключало, однако, и других, негативных, эмоций, которым Грюнвальд тем не менее никогда не давала волю и первенство.

Поскольку в нашем распоряжении нет никаких документов о повседневности и отношениях Грюнвальд и Добролюбова в период с середины июля 1857 г. и по июнь 1858 г., можно только гадать, как прошли те одиннадцать месяцев. Однако отсутствие переписки с большой долей вероятности указывает на простое бытовое обстоятельство: они жили вместе, на одной квартире или, по крайней мере, совсем рядом друг с другом, что позволяло не пользоваться городской почтой, иначе хотя бы какие-то письма Терезы могли бы сохраниться в архиве. Возможным указанием на место проживания Грюнвальд весной 1858 г. является упоминание в ее письме двухкомнатной квартиры в одном из домов, построенных архитектором Л.В. Глама (см. письмо № 2 и комментарий к нему, с. 93). Очевидно также, что Добролюбов в тот период вел себя крайне скрытно и не афишировал свои отношения с бывшей публичной женщиной в кругу своих однокашников и коллег по «Современнику». Чернышевский позже вспоминал, что, когда Добролюбов летом 1858 г. объявил ему о своем намерении жениться на Грюнвальд, он буквально «разинул рот: ничего подобного в жизни Добролюбова я не предполагал»⁵⁷.

Лето 1858 г. стало переломным в жизни Грюнвальд и Добролюбова. После года напряженной работы в «Современнике» и дополнительных занятий репетиторством Добролюбов нуждался в отдыхе и около 25 июня 1858 г. отправился в Старую Руссу — тогда уже довольно известный курорт. Почему он не взял с собой Грюнвальд, остается только гадать — то ли боялся огласки их связи, то ли из-за банального недостатка средств для отдыха на двоих, то ли потому что к тому времени уже начал тяготиться их совместной жизнью. Накануне отъезда они провели вместе две недели на съемной квартире Дмитрия Долинского в Петербургской части города, что ближе к Малой Невке (возможно даже, что это был одноэтажный домик, см. примеч. 14 к письму № 2). Наверное, этот период был едва ли не самым счастливым для обоих. Дальше случилось непоправимое.

Центральным событием июля 1858 г. для Грюнвальд (да и для Добролюбова) стал аборт. Она, по понятным причинам, несколько раз возвращается к нему, под разным углом зрения, в своих письмах к Добролюбову. Приведем самое первое, наиболее развернутое описание того, как это происходило, в письме (№ 1), написанном между 16 и 20 июля 1858 г.:

⁵⁷ Н.А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М.: Худлит, 1986. С. 146–147.

Милый Количка, я очень была больна, два дни я все думала, что я помру. Я просила Доктору, чтобы он мне дал капель ты знаешь, для чего, — он говорит, зачем вы хотите так делать, а вы бы от этого были здоровы и полные, вы сами вредите себя. Так я послала за Бабушкой, она, слава Богу, помогла мне и сделала так, что уж бояться нечего, но только я очень кричала, мне было очень больно, и теперь я вся сбинтова[на]. Теперь я, слава Богу, поправляюсь, не могу только много писать (с. 91).

Фактическая сторона произошедшего не оставляет сомнений: Грюнвальд сначала просила доктора дать ей неких капель для вытравливания плода, а когда тот отказался, прибегла к помощи «бабушки» — повивальной бабки, которая за 20 рублей серебром (немалая сумма по тем временам) провела всю процедуру — вероятно, как тогда было принято, путем тугого бинтования, перетягивания живота или при помощи спиц⁵⁸. Вопросы остаются только относительно того, от кого был этот ребенок, на какой неделе была совершено прерывание и по какой причине. Из другого письма (№ 4) Грюнвальд становится ясно, что беременность началась незадолго до отъезда Добролюбова, т.е. в середине июня, но она получила подтверждение только спустя две недели после 25 июня, т.е. около 9 июля 1858 г.:

Тогда я сходила к Шарлотт[е] Кар[ловне], т.е. просила у Софии К[арловн]ы, чтобы она достала мне этих капель, откуда хотела. Она меня не поверила, да и я сама думала, что я уж была в таком положении. Я все думала, что так живот болит, а месячное у меня не было до твоего отъезда 6 недель, а потом еще 2 недели. Когда я получила твое сердитое письмо, тут уж я окончательно просила Софью К[арловну] сходить к Шарлотте К[арловне], и чтобы Шар[лотта] К[арловна] освидетельствовала меня. А София К[арловна] и после этого не поверила мне, а позвала другую Бабушку, и тут уж я узнала, отчего я больна (с. 98–99).

Из другого письма Терезы выясняется, что Добролюбов был осведомлен о свершившейся процедуре, по крайней мере, постфактум: Грюнвальд не скрывала от него, что именно она решилась сделать:

Тебе ведь надо более жалеть, потому что ты бы об этом бы ужасно беспоко[ко]ился, а может быть, ты и этого не веришь. Ты все подробности можешь узнать от Софии К[арловны] и от Бабушки. София К[арловна] ничего не говорила Шарлотте К[арловне], она и не скажет ей, а только она хочет тебе жаловаться, что я сделала. Она думает, что ты ничего не знаешь, она говорит мне: какие же вы глупые, как бы он-то обрадовался,

⁵⁸ Наряду с другими способами, перетягивание и тугое бинтование были широко распространены. См.: *Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н.* Указ. соч. С. 354–361.

а вы делаете так скверно. Теперь он будет думать, что вы его не любите. Это-то и заставило мне [в]спомнить твои слова. Я и сделала и то насильно: обманула Бабушку, да, впрочем, ты узнаешь об этом сам (с. 92).

Эти строки почти не оставляют сомнений, что отцом ребенка был Добролюбов: по крайней мере, Тереза неоднократно намекала на это, да и сам Николай Александрович позже высказывался об этом в письмах к самым близким приятелям («...у нас был бы теперь ребеночек»⁵⁹). Почему же Тереза решила сделать аборт? Такой шаг, подсказывают ее письма, был сделан, скорее всего, под давлением со стороны Добролюбова (речь об этом еще пойдет ниже). Каких-либо высказываний самого критика на этот счет в нашем распоряжении нет, но легко предположить, что он, едва твердо вставший на ноги как журналист, не был готов содержать ребенка. Кроме того, имелась еще одна причина, которая могла заставить Добролюбова настаивать на аборте, а Терезу — ускорить его исполнение. Критик был весьма подозрителен и ревнив: в письмах он упрекал Грюнвальд, что «она занята своим кавалером» (с. 99), т.е. всерьез полагал, что после отъезда из Петербурга она быстро нашла ему замену и забеременела. Письма Грюнвальд за июль-август 1858 г., когда Добролюбова не было в столице, наполнены ответами на его придирчивые вопросы и обидные упреки. Особенное раздражение должны были вызывать у него простодушные рассказы Терезы о том, как она, якобы только недавно оправившаяся после аборта, бывает на вечерах у знакомой Софии Карловны, выезжает на какие-то «балы» и Смоленские гулянья (см. письмо № 3, с. 96). Несмотря на недоверие Добролюбова, надо признать, что описания произошедшего в письмах Грюнвальд и ее уверения в собственной верности критику звучат вполне правдоподобно, не говоря уже о том, что сообщаемые ею детали своей беременности, физиологические подробности и окружающий их эмоциональный фон представляют собой уникальный эго-документ, позволяющий нам судить о том, как женщина середины XIX в. переживала нежелательную беременность и решалась на ее прерывание. К этой проблематике мы еще вернемся ниже. Пока же необходимо сказать несколько слов о позиции Добролюбова и его точке зрения на происходящее, поскольку инициатива в дальнейших событиях принадлежала ему.

Ревность и подозрительность критика часто сменялись серьезной рефлексией, предметом которой становились поступки не только Грюнвальд, но и свои собственные. Известие об аборте и о потере ребенка вызвало у него лавину переживаний и привело к творческому

⁵⁹ Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. С. 384.

всплеску — написанию трех исповедальных стихотворений конца июля — начала августа 1858 г., которые образуют как бы второй раздел в «грюнвальдском цикле», начатом еще в 1857 г., на волне первых встреч с Терезой. Наибольший интерес с точки зрения ее биографии представляет стихотворение «Ты меня полюбила так нежно», созданное 31 июля 1858 г. — в тот самый день, когда Добролюбов, надо полагать, получил в Старой Руссе отправленное 28 июля из Петербурга письмо возлюбленной с подробным описанием аборта.

Вначале героиня предстает безусловной жертвой, причем не только и не столько уродливых социальных отношений, но и своего спасителя:

Но не знала меня ты в то время.
Ты подумать тогда не могла,
Чтобы тот отягчил твоё бремя,
В ком ты миг облегченья нашла;

Чтобы тот, кто тебя от паденья
Спас в горячих объятьях своих,
Чтоб тебя он привел к преступленью
Против чувств твоих самых святых.

Ты ошиблась, ошиблась жестоко...
Много слез ты со мной пролила,
Ты во мне ту же бездну порока,
От которой бежала, нашла.

<...>

«Отчего ж ты меня не целуешь?
Не голубишь, не нежишь меня?
Что ты бледен? О чем ты тоскуешь?
Что ты хочешь? — всё сделаю я...»

Нет, любовью твоей умоляю,
Нет, не делай, мой друг, ничего...
Я и то уж давно проклиная
Час рожденья на свет моего...⁶⁰

В этом, самом трагическом из стихотворений «грюнвальдского цикла» спасающий оказывается порочнее спасаемой. Такая трактовка идет вразрез со сценарием, освященным влиятельной литературной традицией. В знаменитом стихотворении Некрасова «Когда из мрака заблужденья...» (1847) героиня «осветилась и спаслась», войдя «хозяйкой полною» в дом лирического героя, нравственность которого не подвергается никакому

⁶⁰ Там же. Т. 8. С. 68–69.

сомнению. Добролюбов же в этом автобиографическом стихотворении отвергает счастливый и бесконфликтный исход отношений, описанный у Некрасова, пытаясь зафиксировать в тексте и сублимировать собственные мучительные переживания, связанные с драматическим поворотом в их с Терезой отношениях. Его стихотворение повествует о том, как героиня, ради любви к своему спасителю, пошла у него на поводу и совершила «преступление» против самых святых чувств — материнских, т.е. аборт.

Размышления Добролюбова на эту тему были, судя по всему, настолько мучительны, что спровоцировали сильнейший приступ раскаяния в собственном недавнем раздражении и тех упреках, которые он бросал возлюбленной. «Несколько дней уже я хожу как помешанный... Недавно случилось одно обстоятельство, в котором я оказался таким серьезным мерзавцем, что все литературные мерзости, которые на меня возводят, ничто уже перед этим», — 1 августа писал Добролюбов близкому институтскому приятелю А.П. Златовратскому, очевидно, имея в виду то давление, которое он оказал на Терезу⁶¹. Угрызения совести в итоге привели Добролюбова в начале августа 1858 г. к непростому решению — жениться на Грюнвальд. Сообщил он об этом только самому близкому человеку — старшему товарищу по «Современнику» Чернышевскому, который в начале августа несколько раз ездил в Новую Деревню разговаривать с Терезой Карловной (упоминания об этом см. в ее письме № 4, с. 99), после чего 11 августа 1858 г. написал Добролюбову следующее письмо:

В самом деле, трудно будет Вам жить спокойно, если Вы женитесь. Не будет, по всей вероятности, счастлива и она с Вами. <...> С другой стороны, против благоразумия восстают и собственные мои романические бредни, которыми я всегда был заражен. Всё это приводит к тому, что я совершенно не знаю, как думать и говорить относительно Вашего проекта женитьбы, если Вы сами не бросили его. Не советую ничего. Как Вы поступите, так одобрит мой нерешительный и неопытный в подобных делах ум. Об одном только мог бы я просить Вас: дайте себе время обдумать то или другое решение по возможности хладнокровно. Еще вот о чем прошу Вас: когда воротитесь сюда, прежде всего заезжайте ко мне, и мы потолкуем⁶².

Чернышевский действовал прагматично, отговаривая друга связывать свою жизнь с девушкой, которая была, по его мнению, «добрая, честная, но совершенно необразованная, не умевшая даже и держать себя хоть бы

⁶¹ Добролюбов Н.А. Собрание сочинений. Т. 9. С. 311.

⁶² Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. 14. С. 360, 361.

так, как умели держать себя горничные, жившие в услужении у семейств не то что светского, а хоть бы невысокого чиновничьего круга»: «...жениться на ней значило бы убить себя и ее»⁶³. Якутский прокурор Дмитрий Иванович Меликов, общавшийся с Чернышевским в его вилюйской ссылке, припоминал еще более резкое его мнение о любви Добролюбова и Грюнвальд: «Отзываясь с большим почтением о Добролюбове во всех отношениях, Николай Гаврилович считал его глубоко несчастным человеком. Его погубила любовная связь с горничной⁶⁴, женщиной ничтожной, не соответствующей Добролюбому и не любившей его. Добролюбов, несмотря на все свои обеты друзьям, не мог найти в себе настолько воли, чтобы отделаться от нее, расхотелся с нею и снова сходил»⁶⁵. Более адекватной реальному положению дел следует, вероятно, считать более раннюю из этих двух оценок, высказанную Чернышевским еще в 1858 г. под непосредственным впечатлением от общения с Терезой; именно эту оценку он старался навязать другу и, надо полагать, вполне успешно.

Тереза Карловна наверняка так и не узнала о благородном замысле Добролюбова, который, вернувшись в Петербург в конце августа 1858 г., сразу поехал к Чернышевскому, где и было окончательно принято решение не только не жениться, но и вовсе взять курс на расставание. С конца августа бывшие возлюбленные начали жить раздельно. Расходы на оплату ее квартиры взял на себя, конечно же, Добролюбов. Как можно думать, судя по письму № 5 (с. 103), съемная двухкомнатная квартира была найдена в доходном доме Логинова на Невском проспекте (сейчас дом № 61, рядом с метро «Маяковская» и кинотеатром «Художественный»). Сам же Добролюбов поселился, по приглашению Некрасова, в доме Краевского на Литейном проспекте (сейчас дом № 36). Расстояние между этими двумя домами составляет около 1,3 км, т.е. его можно довольно быстро пройти пешком. В письме к закадычному институтскому другу И.И. Бордюгову 29 августа 1858 г. Добролюбов сообщал, что «Тереза живет отдельно», «занимает теперь две очень миленькие комнаты»⁶⁶. На этой квартире в

⁶³ Цит. по: *Добролюбов Н.А. Собрание сочинений. Т. 9. С. 335.* Следует отметить, что невысокое мнение Чернышевского о Грюнвальд, высказанное здесь, противоречило другим его высказываниям о женщине и имело целью оправдать решение Добролюбова разойтись с ней.

⁶⁴ Чернышевский здесь называет Грюнвальд горничной (если это только не ошибка памяти мемуариста), вероятно, чтобы сохранить высокую репутацию Добролюбова в глазах сокаторжников.

⁶⁵ Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. Саратов: Саратов. кн. изд-во, 1959. С. 251.

⁶⁶ *Добролюбов Н.А. Собрание сочинений. Т. 9. С. 320, 321.*

течение нескольких недель в сентябре 1858 г. жил и брат Добролюбова Владимир, приехавший из Нижнего Новгорода и ожидавший обустройства для себя комнаты в доме Краевского⁶⁷.

Решимости совсем порвать с Терезой у Добролюбова не было, и они продолжали встречаться — в основном на ее квартире, так как это было удобнее. Тереза посылала Добролюбову через некоего Антона (возможно, дворника) краткие, без даты, записочки с просьбами прийти на чай или заглянуть на более долгий срок (письма № 6–8). Наверняка встреч было гораздо больше, чем сохранилось записок. Можно думать, что в сентябре — ноябре 1858 г. у Грюнвальд еще сохранялась некоторая надежда на продолжение отношений, пусть и не в виде совместной жизни, но хотя бы в форме регулярных встреч. Добролюбов, однако, чувствовал и думал иначе. Он постепенно приходил к выводу, что их отношения не только исчерпаны, но и не были похожи на подлинную любовь:

Мои отношения с Терезой все более и более принимают какой-то похоронно-унылый характер, особенно с тех пор, как прекратилась их внешняя сторона. Я понял, что никогда не любил этой девушки, а просто увлечен был *сожалением*, которое принял за любовь. Мне и теперь жаль ее, мое сердце болит об ней, но я уже умею назвать свое чувство настоящим его именем. Любви к ней я не могу чувствовать, потому что нельзя любить женщину, над которой сознаешь свое превосходство во всех отношениях⁶⁸.

Идеальную спутницу жизни он представлял иной — духовно близкой, стоящей на его интеллектуальном уровне:

Если б у меня была женщина, с которой я мог бы делить свои чувства и мысли до такой степени, чтоб она читала даже вместе со мною мои (или, положим, всё равно — твои) произведения, я был бы счастлив и ничего не хотел бы более. Любовь к такой женщине и ее сочувствие — вот мое единственное желание теперь. В нем сосредоточиваются все мои внутренние силы, вся жизнь моя⁶⁹.

Так подошел к концу 1858 г., который Тереза и Добролюбов провозили, возможно, еще вместе (см. письмо № 8). Однако начиная с декабря 1858 г. критик втайне от Грюнвальд ездил к некоей Бетти⁷⁰, а затем на несколько месяцев увлекся сестрой Ольги Сократовны Чернышевской Анной

⁶⁷ Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. Т. 9. С. 327.

⁶⁸ Там же. С. 341 (письмо И. Бордюгову).

⁶⁹ Там же. С. 340. Примечательно, что в воображении Добролюбова интеллектуальное равенство его потенциальной спутницы ограничено пассивным чтением его (или чужих) текстов. Он, очевидно, не может представить ситуацию, при которой возлюбленная сама бы писала тексты.

⁷⁰ Там же. С. 341.

Сократовой Васильевой⁷¹. В такой ситуации Тереза, конечно же, чувствовала, что возлюбленный скоро оставит ее, и использовала самые разные доводы и ухищрения для того, чтобы продлить уже обреченные отношения:

Видишь, милый Колянька, ты говорил, что я на тебе надеюсь. Я даже не надеюсь, буду ли я с тобой иметь возможность хоть говорить в будущем году? Ведь я не знаю, что ты думаешь и что ты хочешь делать. Все-таки мне кажется, что ты или уедешь, или оставишь меня вдруг, тогда это для [меня] было бы ужасно (письмо № 8, с. 107).

Именно в этот период в посланиях Терезы все чаще начинает появляться мотив преодоления своих недостатков и саморазвития:

Прости, милый мой Количка, право, я так искренно желаю исправиться и быть умной, что если бы я могла найти такую добрую маменьку как твоя была, то я, кажется, сделалась бы совсем другим человеком. Если же ты оставишь меня без внимания, то кто же поддержит меня, и чтобы я могла наконец сделаться умным, а не быть [такой] глупой и бессмысленной, как я есть теперь (там же).

Легко догадаться, что с помощью подобных аргументов Грюнвальд рассчитывала затронуть самые тонкие струны добролюбовской души, апеллируя к его сокровенным чаяниям о более развитой спутнице жизни. Чувствуя настоящие потребности критика и, возможно, даже выслушивая его упреки в свой адрес, Тереза все чаще стала просить его присылать ей книги и учебники, которые она старалась читать и тем самым показать «милому Коляньке», что она не такая глупая, как он о ней думал. Иногда она пытается разыграть роль «бедной и глупенькой» женщины, просветить и образовать которую может только Добролюбов (об этой теме речь еще пойдет далее). Одновременно Тереза взяла на себя обязанности домохозяйки критика: неоднократное упоминание пересылаемых простыней, рубашек и чулок в письмах Терезы указывает на то, что она организовывала стирку белья⁷² и частично обшивала любимого человека.

Еще осенью 1858 г. Добролюбов познакомил Терезу с более широким кругом близких институтских товарищей — Иваном Бордюговым, Михаилом Шемановским и Борисом Сциборским. Когда Бордюгов поздней осенью приезжал в Петербург лечиться, они собирались вместе. В 1859-м

⁷¹ См. об этом подробнее: *Вдовин А.В. Добролюбов... С. 201–205.*

⁷² Предположение об этом основано на упоминании пересылаемых простыней и одежды Добролюбова. При этом есть небольшая вероятность, что если в письме № 6 под литерой «П» имеется в виду прачка, то Грюнвальд пользовалась ее услугами и не стирала сама. В одном из писем из Дерпта далее речь идет о том, что стирка была включена в стоимость квартиры.

в Светлое Христово Воскресение, как вспоминала Тереза об этом гораздо позже (см. письмо № 25), товарищи опять встретились, веселились и разговлялись «шоколадной пасхой». В тот же период Добролюбов представил Терезу также и жене Чернышевского Ольге Сократовне, которая, судя по некоторым фразам, ей очень понравилась; девушка советовала своему «Колиньке» чаще ходить к Чернышевским: «Там тебя умеют ценить и уважать» (письмо № 22, с. 127). Одним словом, жизнь Грюнвальд стала напоминать нормальную жизнь бедной городской мещанки. Не хватало только источников дохода: нужно было искать способы зарабатывать себе на хлеб честным трудом. В письмах Терезы ближе к концу 1859 г. мы находим как минимум два упоминания о взятой на дом работе — скорее всего, шитье или починке белья (письмо № 16, с. 118). Под самый новый, 1860-й, год она сообщала Добролюбову: «Я хочу заняться чем-нибудь в праздники. Я получила 12 р[ублей] с[еребром] за работу. На это я сшила миленькое платье и сделала еще пару мелочей» (письмо № 18, с. 120). Иных свидетельств о каких-либо других заработках у нас нет, и Добролюбову приходилось по-прежнему материально помогать Терезе.

Начиная со второй половины 1859 г. Грюнвальд (надо думать, ради экономии), съехала из квартиры в доме Логинова на Невском и стала жить в каком-то неизвестном нам доме вместе с как минимум одной подругой — тоже немкой, некоей Амалией. Возможно, она-то и надумила Терезу решиться на смелый шаг — надолго, если не навсегда расстаться с Добролюбовым и уехать из Петербурга в Дерпт в поисках лучшей жизни. Скорее всего, именно об этом замысле она хотела поговорить с Николаем Александровичем, когда писала: «Любимый Колинька, приходи же ко мне сегодня вечером, я совсем одна, и хотела бы поговорить о кое-какой поездке» (письмо № 18, с. 120).

Непосредственной причиной, возможно, побудившей Грюнвальд оставить Петербург, было чрезвычайно неприятное и обидное для ее женского самолюбия обстоятельство: в январе 1860 г. Добролюбов начал пользоваться платными услугами некой Клеманс (ее письмо к Добролюбову печатается под № 51). Отношения с ней начались у Добролюбова еще до отъезда Грюнвальд в январе 1860 г. и продолжались до 14 мая, пока критик не уехал лечиться в Европу. О начале их отношений нам известно из письма Грюнвальд к Добролюбову 26 февраля 1860 г., из которого и выясняется, что Клеманс — имя, возможно, вымышленное, а на самом деле ее звали Катериной:

Одно только больно: если бы не Катерина Кл[еманс], я бы, кажется, ни за что не уехала. Я ведь только уступила свое место и думала, что ты ее

очень полюбил, и притом она ведь сказала, что она ни за что не уступит тебе. И даже хотела мне самой сказать это, и слава Богу, что не пришлось слышать (письмо № 23, с. 130).

Добролюбов между тем сам сообщал Грюнвальд о визите к нему Клеманс, но подчеркнул, что он якобы не стал ее «принимать». Тереза на слово ему не поверила и писала 11 февраля 1860 г.:

насчет Кл[еманс]: ты, верно, нарочно мне пишешь, что ты не принял ее. Ты думаешь меня этим успокоить, а мне так думается, что ты ее принял даже слишком ласково — я ведь не могу на тебя за то сердиться — одно бы мне хотелось, чтобы ты лучше другую нашел, только порядочную, а не такую, которая тебя обманывала, так же, как и я, впрочем, гораздо хуже (письмо № 22, с. 127).

Чрезвычайно показательно, что Грюнвальд сама вскрывает карты, указывая на искусство обманывать клиентов — типичную черту поведения, которая приписывалась публичным женщинам в дискурсе XIX в. вообще и в письмах Добролюбова в частности. Это то самое недоверие и подозрительность, которые заставляли мужчин, завязавших отношения с камелиями и другими типами публичных женщин, сомневаться в их верности и представлять их мотивы как исключительно меркантильные. Разумеется, в реальности подобные отношения могли принимать разный характер, включая и искреннюю привязанность, однако доминирующий в публицистике дискурс о специфике характера публичных женщин был именно таков.

Когда Грюнвальд решила, наконец, уехать, нужно было решить — куда. Дерпт был выбран подругами не случайно: в Лифляндии они бы чувствовали себя комфортнее в родной для них немецкоязычной среде. К тому же у Амалии в Нарве жили родители. Быть может, Амалия что-то рассказала Терезе и о том, что в Дерпте легче найти работу — например, стать акушеркой, отучившись на кратких акушерских курсах при тамошней университетской клинике. (В начале 1860-х годов в России как раз начали массово открываться акушерские и фельдшерские курсы для женщин⁷³.)

22 января 1860 г. или около того Грюнвальд вместе с Амалией прибыли в Дерпт, сняли квартиру в доме Соболева около немецкой церкви — скорее всего, лютеранской церкви Св. Иоанна (St. Johanniskirche zu Dorpat), которая располагается в пределах старого города, недалеко от

⁷³ См.: *Петров-Энкер Б.* «Новые люди России»: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М.: Издательский центр РГГУ, 2005. С. 204.

университета (сейчас Jaani kirik). Квартира была маленькая — «в 2 комнаты, и платим 6 р[ублей] с[еребром], с дровами и с водой, так что мне обходится квар[тира] с кушаньем в месяц 8 р[ублей] с[еребром]» (письмо № 21, с. 124). Первым делом подруги отнесли сбережения (250 рублей) в Рентерею — местное отделение казначейства, которое, помимо прочего, принимало вклады от населения под проценты на несколько месяцев (там же). При такой дешевизне жизни в Дерпте, по сравнению с Петербургом, неудивительно, что, имея в распоряжении 250 рублей и возможность дополнительно просить и получать от Добролюбова, а позже Чернышевского денежные переводы, Грюнвальд могла жить, не работая, довольно долго. Первые месяцы жизни в Лифляндии она и не могла работать, поскольку долго, с конца января по начало марта 1860-го года хворала, если верить ее постоянным жалобам (письма № 22–25). Первые упоминания о поиске занятий встречаются лишь в письме от 8 марта (№ 25): «За обучение и экзамены здесь нужно платить 60 р[ублей] с[еребром], а врач считает, что я не могу учиться, пока не поправлюсь, но все же дома учиться можно» (с. 135). Речь идет об акушерских курсах при клинике Дерптского университета, на которые Грюнвальд планировала записаться. Из этой затеи той весной ничего не вышло — то ли потому что поступать Тереза была еще не в состоянии из-за болезни, то ли потому что она и не хотела учиться, то ли потому, как она писала Добролюбову 28 апреля 1860 г., «в Дерпте до августа не учат» (№ 27, с. 141). В итоге Тереза на лето поехала во Псков, где у ее подруги Амалии якобы жила «большая тетя» («Что мне было делать одной в Дерпте»). Здесь она прожила с 26 апреля и до 22 августа. Если доверять письмам Грюнвальд, именно во Пскове она каким-то образом, не имея специальной подготовки, впервые исполнила роль повивальной бабки и принимала роды:

Добрый Количка, в Дерпт я не могу раньше 25 сентября ехать, потому что тогда я могу взять денег 250 р[ублей] с[еребром], а надо бы ехать раньше, потому что женские лекции в клинике начнутся 22го августа, и лучше гораздо, если я могла быть в начале да притом надо внести 60 р[ублей] с[еребром], иначе там не примут. Не знаю, как мне делать, если я внесу эти деньги, то я могу заняться практикой, и это будет гораздо выгоднее. Тогда я могу и по домам ходить, на то дают право и такую бумагу. Отчего ж ты, милый Количька, не поздравил меня. Я тебе писала, что принимала мальчика у моей хозяйки. Мне не трудно было, потому что я обошлась без Доктора и без Бабки, только тем было трудно, что она мучилась 3 дня родами, а перед тем была 3 недели больна, и я должна была за ней ухаживать день и ночь, за что они мне много благодарили. Хозяйка дала мне

15 р[ублей] с[еребром], подарила 2 кольца, а муж подарил хорошенькие серьги руб[лей] 18 сер[ебром] (письмо № 29, с. 147–148).

Это был первый заработок Грюнвальд; в дополнение к нему она получала деньги от Чернышевского, пересылавшего ей, по просьбе Добролюбова, часть жалованья последнего из кассы «Современника». На эти деньги Тереза смогла за лето 1860 г. обеспечить себя одеждой и новым гардеробом, пригодившимся ей в следующие, гораздо более тяжелые годы:

Видишь, милый Количка, распорядилась я так, получивши от Ник[олая] Г[авриловича] 120 р[ублей]⁷⁴ (два раза по 60 р[ублей] с[еребром]). Я дала хозяйке 40 р[ублей], на 25 шила я себе белье, на 20 юпок, простынь и наволок, да сделала себе 2 ситцевые платье да одно шерстяное. Это будет вместе 16 р[ублей] с[еребром]. И еще сапоги и чулки 5 р[ублей]. И еще тальму 8 р[ублей] с[еребром]. Здесь дешевле гораздо, чем [в] Пет[ербурге], а когда я поеду в Дерпт, тогда я сделаю себе форменное коричневое платье и теплое пальто. — Еще жаль, милый Количка, шубу. Только ползими я в ней щеголяла, и дешево она обошлась ведь, 28 р[ублей] с[еребром], а здесь нет такие меха (письмо № 29, с. 148–149).

22 августа 1860 г., вернувшись в Дерпт по Псковскому и Чудскому озерам, Тереза какое-то время снова проболела, однако все же внесла 60 рублей серебром в клинику и в сентябре начала посещать акушерские курсы. Известный биограф Добролюбова Б.Ф. Егоров не обнаружил в архиве акушерских курсов клиники Дерптского университета никаких документов, в которых упоминалась бы Грюнвальд, что заставило его сомневаться в том, что она вообще училась на курсах, и считать всю эту историю выдумкой для вытягивания денег у Добролюбова с Чернышевским⁷⁵. Но, хотя подтверждающие ее обучение документы не были обнаружены, исключать их существование полностью все же нельзя, равно как и самого факта хотя бы кратковременного обучения Грюнвальд при клинике, поскольку архив акушерских курсов, судя по всему, плохо сохранился. На это указывает историк Дерптского университета Г.В. Левицкий, который не нашел в университетском архиве вообще никаких документов о повивальной школе при клинике за период ранее 1883 г.⁷⁶

⁷⁴ Всего в период до 1861 г. Чернышевский послал Грюнвальд не менее 510 руб. (*Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений*. Т. 14. С. 401, 405, 416).

⁷⁵ См.: *Егоров Б.Ф. Очерки по истории русской культуры XIX века // Из истории русской культуры*. Т. 5. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 262.

⁷⁶ См.: *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета*. Т. II. Юрьев, 1903. С. 54.

Однако, по воспоминаниям профессора Рунге, такая школа все-таки существовала и ранее, в 1860–1870-е годы⁷⁷. Сама Грюнвальд сообщает столько мелких и вполне правдоподобных деталей (фамилии профессоров, названия учебных предметов, экзаменов, стоимость обучения и проч.), что вполне можно предположить ее хотя бы кратковременное посещение акушерских курсов, а, возможно, и успешное их окончание с последующим получением разрешения принимать роды. Начиная с этого момента письма Грюнвальд разительно отличаются по тону от прежних: у нее появляется уверенность в себе, удовлетворение от собственной жизни и того положения, в каком она находится. Вот как она описывала первые недели занятий 17 сентября 1860 г.:

Я, как приехала, сейчас просила Доктора внести в клинику 60 р[ублей] с[еребром], которые он и внес. После 2х недель я поправилась и теперь совсем здорова, только имею мало времени: постоянно у больных и больше у больных, нежели на лекции. Теперь если бы ты меня увидел, мой друг, я думаю, ты бы лучше полюбил, потому что я стала больше на себя обращать внимание. Одеваюсь гораздо опрятнее и хожу в чепчике, что другие находят, что мне идет чепчик, поэтому мои волосы постоянно гладки. Ведь ты не любил, когда я была растрепанная, и ручки всегда чистенькие. Здесь все удивляются, что у меня маленькие руки и ноги, и потому называют *die kleine gnädige Frau*. Устроилась я здесь очень хорошо. У меня три высокие комнаты с парадной и грязный коридор. И с порядочной мебели за 8 р[ублей] с[еребром], и с дровами, и водой за стол плачу 6 р[ублей] с[еребром], за прислугу 2 р[убля] с[еребром]. Только мне ее не надо кормить. Значит, 25 р[ублей] с[еребром] в месяц мне очень довольно, и даже живу на 25 р[ублей] с[еребром] роскошно. Одно только неприятно: если мне шитьем заняться, то я не могу заниматься. Так как мне нужно ходить часто, то я делаю себе шубу, и она обходится в 42 р[убля] с[еребром]. Дорого, да что же делать. Надо будет хоть заработать. Впрочем, я буду скоро доставать своим занятием, только не шитьем (письмо № 30, с. 151–152).

Любопытно наблюдать, как поднимаются самооценка и самоуважение Грюнвальд, когда окружающие начинают обращаться к ней почтительно «милостивая сударыня». Поскольку она начала посещать курсы, которые предполагали общение с докторами и пациентками клиники, вполне естественно, что у Терезы стали завязываться какие-то знакомства. Так, в октябре отпраздновать день ее ангела собрались 22 человека, большинство из которых были люди семейные (письмо № 31) и, очевидно, доктора и медицинский персонал клиники:

77 Биографический словарь...

Ты спрашиваешь, в каком обществе я нахожусь. Я знакома только с докторами и их женами. У меня сейчас два больных, в настоящее время одна прелестная молодая госпожа 17ти лет, но другая еще прелестнее, но она старше, ей 28 лет. Она меня щедро одарила. Я уже приняла достаточно много детей. А еще я имею право без экзамена принимать детей, только не могу выписывать лекарства.

Больные меня очень любят за мои руки. В Дерпте не было акушеров с такими маленькими руками как у меня, и еще говорят, что у меня очень маленькие ноги. Видишь, Колинька, я становлюсь заносчивой (письмо № 32, с. 158–159).

Это письмо датировано 6 января 1861 г.; из него следует, что обучение на курсах шло рука об руку с практикой — принятием родов. Возможно, Грюнвальд оказывала услуги и частным образом. Тогда же Грюнвальд попросила Добролюбова прислать ей из Парижа в подарок маленькие наручные часы: «Здесь все акушерки ходят с часами, и мне тоже нужно их иметь, потому что я постоянно опаздываю, ведь у меня нет часов, но прошу тебя, мой ангельчик, не сердись мне они не для щегольства, а только чтобы я знала свое время» (письмо № 31, с. 155). Какова же была радость Терезы, когда к Новому, 1861 г., она получила желаемый подарок (письмо № 32). Появление у Грюнвальд часов может быть косвенным свидетельством того, что она действительно ходила в каком-то статусе на лекции или в клинику, поскольку у нее возникает другое ощущение рабочего времени, отсчитываемого не от процесса или задачи, а от расписания лекций и распорядка работы клиники.

Однако благополучный период в жизни Терезы длился недолго: где-то в ноябре 1860 г. с ней случилась «неприятная история», опять же, если верить ее признаниям⁷⁸:

мне нужно было принять роды у тяжелой больной, и она умерла, и ребенок пострадал. За это мне нужно было предстать перед судом. Но я заплатила, и сейчас на свободе — но мне это стоило очень много денег, не было бы у меня денег, меня бы сослали, но, слава Богу, сейчас все позади, и за это я должна тебя благодарить, мой добрый Колинька (письмо № 32, с. 159).

В письме Чернышевскому (№ 38) она упоминает 200 рублей, которые ей пришлось уплатить, видимо, как штраф за неудачно проведенные роды, повлекшие смерть матери и ущерб здоровью ребенка. Сложно сказать, насколько правдив и точен этот рассказ, поскольку никаких

⁷⁸ Нужно признать, что Грюнвальд вряд ли допустили бы принимать тяжелые роды без прохождения полного курса обучения.

подтверждающих его полицейских или судебных документов в Эстонском национальном архиве мне обнаружить не удалось. Возможно, никакого следствия и не было, если Грюнвальд в самом деле удалось откупиться от неприятностей. Во всяком случае, в XIX в. в Российской империи действительно существовала практика особого рассмотрения во врачебных управах всех смертельных случаев при родах для выяснения ошибок в действиях повивальных бабок⁷⁹.

Несмотря на этот инцидент, Грюнвальд, если доверять ее письмам, в конце апреля — мае 1861 г. смогла получить в Дерпте казенное место так называемой «свободной» повивальной бабки, за которое якобы нужно было внести 700 рублей серебром, чтобы получить казенную квартиру в три комнаты и разрешение «держат у себя больных» (письмо № 40, с. 175). Здесь сразу два обстоятельства вызывают подозрение. Во-первых, в тогдашней практике в России роды проходили на дому у роженицы или в клинике, но не на дому у акушерки. Во-вторых, факт взимания такой гигантской суммы за казенное место должен был смутить Чернышевского (да и Добролюбова), поскольку законодательство и обычная практика того времени предполагали, что «при трудоустройстве повивальных бабок местные власти обязаны были оказывать всяческое содействие»⁸⁰, т.е. предоставлять квартирные и прогонные деньги и другие льготы. В остзейских губерниях, конечно, могла быть в этом отношении своя локальная специфика, но из дальнейших пояснений Терезы становится ясно, что 700 рублей — это что-то вроде взятки, которую с нее потребовали, чтобы она получила казенное место акушерки, или же, возможно, она сама решила «подсуетиться»:

Этот раз я прошу Вас, мне после не нужно будет присылать денег, потому что я буду сама заслуживать себе денег, здесь ведь очень много значит новая Бабка, особенно здесь все такие старые, так я через это много могу выиграть, срок мне дали до 10го июня, тогда я 14го поступлю на службу. Эти деньги для того нужно внести, потому что многие хотят это место, ведь и правда без денег ничего нельзя сделать, да кроме того я буду до смерти своей обеспечена (письмо № 40, с. 175).

Правда, полтора года спустя, в феврале 1862 г., Грюнвальд будет снова писать об этой сумме все тому же Чернышевскому: «Не думайте, добрый Николай Гаврилович, что дорого стоит место, после 12ти лет мои

⁷⁹ См.: Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А. Повивальные бабки в истории медицины России (XVIII — сер. XIX в.) // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2018. Т. 17. № 1. С. 186.

⁸⁰ Там же.

575 с процентами отдадут мне обратно, здесь в Дерпте уж так заведено, что плотят вперед» (№ 43, с. 179). Это новое объяснение вызывает большие сомнения: вряд ли в Дерпте существовал такой порядок⁸¹.

За этой суммой Грюнвальд обратилась к Чернышевскому, а не к Добролюбову, и была весьма настойчива в своих просьбах — писала в Петербург и в июне, и в июле 1861 г., причем во второй раз в ее сведениях появились дополнительные и, надо признать, еще более странные штрихи:

Не знаю, как мне теперь сделать, мне уже дали место, потому что я крепко надеялась, что получу денег. Я теперь просто боюсь идти туда, потому что меня посадят, скажут, что я обманула, если я не внесу штрафа 200 р[ублей] с[еребром], тогда меня посадят через неделю, да и место потеряю, которое бы всю мою жизнь обеспечило и для Ник[олая] Ал[ександровича] было бы хорошо, потому что я могла бы много и ему помогать, если бы я могла остаться на месте, я бы получала слишком 150 р[ублей] с[еребром] в месяц, да кроме того квартира (письмо № 41, с. 177).

Из этого письма выяснялось, что Грюнвальд каким-то образом все же получила место и или уже уплатила кому-то часть суммы, или только обещала уплатить, оттягивая срок. С этого момента показания Терезы в письмах к Чернышевскому и Добролюбову становятся крайне путаными и подчас разнятся: сложно установить, что происходило в Дерпте на самом деле. Например, откуда в процитированном выше фрагменте появляется какой-то штраф в 200 рублей за невнесенный платеж, если это не официальная плата, а что-то типа взятки? Возможно, в этот момент Грюнвальд уже перестала держаться фактов и начала наводить тень на плетень, лишь бы получить от Чернышевского искомую сумму. Тот прислал только 40 рублей (см. примеч. 148 к письму № 34) и, наконец, предупредил Добролюбова, что с Терезой происходит нечто подозрительное. Критик и сам, похоже, об этом догадывался и где-то в начале августа 1861 г. прислал Грюнвальд раздраженное письмо, полное упреков в обмане и вероломстве. Ее планы грозили полностью разрушиться. Отвечая Добролюбову 18 августа 1861 г., Тереза, видимо, все больше запутываясь, на сей раз ссылаясь на новую беду — якобы на новую смерть своей роженицы:

Теперь померла другая больная, и ребенок также помер [в] самое то время, когда я должна была делать экзамен. Я сама не очень виновата, что они померли, за мной поздно прислали. Прихожу, она уже измучилась. После этого

⁸¹ Для подтверждения или опровержения этой версии необходимы дальнейшие поиски документов о работе повитух и акушерок в архиве г. Тарту.

приходит Профессор и говорит мне, что я виновата. В полиции теперь это дело разбирают. Были бы у меня эти деньги, которые я просила займы у Николая Гав[риловича], я бы могла получить хорошее место, могла заниматься частными и могла бы в год заслуживать до 1000 руб[лей] с[еребром] в год да кроме того, казенная квартира. А теперь страшно заниматься, потому что меня испытывают со всех сторон и дают больных самых опасных. Милый, добрый Количка, опять прошу тебе: не думай, что я вру или хочу выманить деньги, но я тебе говорю, положи руку на сердце, я хотела тебе облегчить [жизнь], я думала, что если Н[иколай] Г[аврилович] пришлет 675 р[ублей] с[еребром], я уже внесла 50 р[ублей] с[еребром], то думала, что тебе вовсе не придется мне присылать денег (письмо № 35, с. 163–164).

Бросается в глаза, что судебное разбирательство здесь соседствует с необходимостью внести теперь уже не 700, а 675 рублей за искомое место (остальную часть она уже якобы уплатила). Такое нагромождение злключений должно было выглядеть совсем уж неправдоподобным, даже если в реальности имело место что-то близкое к этому (например, обещавший ей место чиновник готов был ждать взятки довольно долгое время, довольствуясь задатками). Одновременно Тереза сообщала в том же письме, что 28 августа или 19 сентября ей предстоит экзамен по акушерству и детским болезням, т.е. ее учеба на курсах продолжалась.

В сентябре 1861 г. Грюнвальд отправила Добролюбову следующее жалобное письмо, в котором продолжала просить о 675 рублях, которые нужно было внести за место (№ 36). При этом на этот раз она задействовала новые аргументы — обещала прислать в подтверждение своих слов какие-то документы, как только она их получит. Добролюбов в те тяжелые недели конца октября уже не вставал с постели и к крайнему для Терезы сроку 25 сентября ничего не прислал. От отчаяния в конце сентября, как следует из ее писем, она заняла 350 рублей, а на недостающую сумму в 325 рублей заложила свои вещи:

Я просила до 25 сентября, так крепко я надеялась получить, теперь я должна непременно заплатить до 10 октября, т.е. выкупить свои вещи, в случае, [если] я не выкуплю, тогда продадут, и мне не в чем будет ходить в холодное время. 350 р[ублей] с[еребром] я заняла деньгами, а 325 я заложила вещи. Место это будет на 12 лет, ведь в 12 лет я могу много накопить. Ради Бога, добрый Николай Гаврилович, не думайте, что я обманываю Вас. Экзамен я выдержала, потому и стоило мне так много, ведь много стоит место, а за то ничего не стоит прожить, потому что все дают из казны на все 12 лет, и кроме того я могу уе[з]жать в отпуск на две недели (письмо № 42, с. 178).

Порадуйся же немного за меня, я сдала 3 экзамена, по акушерскому делу, детским болезням и по воспалениям, это разные болезни. Еще я хочу, и

уже начала, изучать болезни глаз, потому что, мой любимый Колинька, мне очень нравится медицина, и еще изучаю, как самому можно сделать порошки и разные пластыри и напитки. Самое сложное — болезни глаз, но я все же хочу попытаться (письмо № 37, с. 171).

Грустные новости о больших долгах соседствуют здесь с радостью от сданного экзамена (очевидно, это были финальные испытания на акушерских курсах) и желание продолжать заниматься медициной. Вряд ли она была способна лгать настолько искусно, что придумывала даже пластыри и названия учебных предметов. Скорее, Тереза немного «корректировала» действительно имевшие место обстоятельства, подавая их в выгодном для нее свете.

Примерно в то самое время, когда Грюнвальд начала устраиваться в Дерпте на казенное место на должность акушерки, в Петербурге в ночь на 17 ноября 1861 г. умер Добролюбов, успев за три дня до смерти отправить ей 200 рублей. Поначалу Грюнвальд не знала о его кончине и думала, что бывший возлюбленный просто перестал реагировать на ее просьбы. Единственной надеждой на помощь теперь для нее оставался Чернышевский. 3 февраля 1862 г. она писала ему в очередной раз с просьбой помочь с деньгами для уплаты 700 рублей долга:

Теперь я получила хорошее место. Я не знаю, как сказать по-русски за Kondition⁸² [?] я заплатила 575 р[ублей] с[еребром] на 12 лет да бумаги и приписка к городу стоит почти 100 р[ублей]. Притом у меня казенная квартира, но мебели не было, я должна была купить и инструментов, которых нужно дома. Денег я взяла в долг 700 р[ублей], половину по векселю, а другую половину я заложила вещи, срок давно уже прошел, долг я заплатила только 200 р[ублей], которые Николай А[лександрович] мне прислал (письмо № 43, с. 179).

В ответ она получила от Чернышевского сообщение о смерти ее «Колиньки» и чаемые 500 рублей:

Эти деньги — от Николая Александровича, но письма от него нет при них... да и не будет никогда... Когда увидимся с Вами, поцелуемся и заплачем вместе о нашем друге... Вот уже редкий день проходит у меня без слез... Я тоже полезный человек, но лучше бы я умер, чем он... Лучшего своего защитника потерял в нем русский народ⁸³.

Что могла ответить Тереза на скорбное известие? Она жалела, что «потеряла в нем благодетеля», горевала, что будет жить дальше без его помощи, и сообщила, что

⁸² Условия договора (нем.).

⁸³ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. 14. С. 449.

Долги свои я заплатила и теперь слава Богу спокойнее стала, пока буду на месте, у меня свое хозяйство и мне дадут побольше квартиру куда бы можно уложить больных. Устроиваться была чрезвычайно трудно, всего нужно много, зато и лучше будет, хорошее карьера т.е. по-нашему (письмо № 44, с. 181).

Благодаря помощи Чернышевского 1862 г. прошел у Грюнвальд благополучно. Она впервые отправила два письма в Петербург, не прося денег и лишь аккуратно интересуясь, почему Чернышевский ничего не отвечает, и делясь с ним новостями своей жизни:

Грустно думать мне что и Вами я оставлена, и не могу ничем утешить себя, теперь такое скучное время, нет никаких занятий, у нас теперь каникулы, даже в клинику не принимают больных, а прочие уехавши по поместьям, и это будет продолжаться до сентября месяца. Простите, добрый Николай Гаврилович, что я беспокою Вас, я кажется, надоела Вам своими письмами, но если Вы хотя настолько были бы добры и написали мне пару строчек, Вы тогда, добрый Николай Гаврилович, очень успокоите меня. Если бы я могла написать все что я чувствую, и как горестно я провожу свое время, мне все кажется, что Ник[олай] А[лександрович] жив, он постоянно стоит перед глазами, я не умею по-русски так описать свое положение (письмо № 46, с. 184).

Возможно, это был второй из наиболее благополучных периодов дерптской жизни Грюнвальд, поскольку по ее не совсем внятными обмолвкам можно заключить, что она могла теперь работать при клинике не только в роли акушерки, но и в какой-то другой (ведь у акушеров не бывает каникул, только отпуск). И конечно же, Тереза вспоминала добрым словом покойного Добролюбова, благодаря которому она могла теперь жить новой жизнью.

На этом жизнеописание Грюнвальд могло бы прерваться за отсутствием материалов о ее дальнейшей судьбе, однако 1863 г. принес ей новые неприятности. 18 июля 1863 г. дерптский фохтейский суд⁸⁴ возбудил против нее дело по иску пяти кредиторов (домовладелица Анна Кидов, домовладелец Гедт, домовладелец Карл Зольберг, Лиза Саар, фрау София Шульц), которым она задолжала в совокупности 228 рублей. В протоколе разбирательства Грюнвальд описывалась следующим образом:

Живя в Дерпте в крайне стесненных обстоятельствах, не имея вида [на жительство, т.е. паспорта], пока фрау Шульц присматривала за ней, подолгу истощенная, оставалась на месте до выздоровления;

⁸⁴ То есть местный суд, подчинявшийся магистрату и до 1889 г. функционировавший в рамках особой правовой системы прибалтийских губерний.

предлагается: если кредиторы разрешат, она должна покинуть Дерпт в ближайшие недели, чтобы могла попасть в Ст. Петербург под пригляд, чтобы не укрыться от всех кредиторов (оригинал по-немецки, перевод Т.К. Шор)⁸⁵.

Примечательно, что в протоколе никак не назван статус или род занятий Грюнвальд — ни как акушерки, ни какой бы то ни было другой. Также подозрительно, что за почти три года жизни в Дерпте она не смогла получить никакого «вида», т.е. паспорта или какой-то иной бумаги.

В итоге заимодавцы согласились отпустить должницу в Петербург в надежде, что она сможет раздобыть там денег, и 19 июля полицейское управление выдало Грюнвальд специальный проездной билет, прикрепленный к паспорту, который она должна была предъявить по возвращении в Дерпт⁸⁶.

В конце июля — начале августа 1863 г. Грюнвальд появилась в Петербурге, остановившись на Гороховой улице в доме купца Гребнева (см. письмо № 48, с. 188). Здесь она попыталась обратиться к единственному в Петербурге человеку, который мог бы ссудить ее 228 рублями, — Чернышевскому. Написав ему, Тереза не получила ответа: адресат в тот момент был арестован и находился в Петропавловской крепости. Зато Тереза смогла попасть на съемную дачу к его кузенам — Александру Николаевичу и Евгении Николаевне Пыпиным, которые дали ей всего 5 рублей (см. письма № 47 и 48, с. 187), но посоветовали все-таки написать Чернышевскому и, видимо, помогли передать ее письма в тюремную почту. В письме от 23 августа 1863 г. (№ 48) она снова пересказывает всю свою дерптскую эпопею, присовокупив, однако, новый любопытный штрих:

Приехавши в Дерпт, я сейчас же начала учиться и внесла за полгода 62 р[убля] с[еребром] и когда держала экзамен, опять внесла 62 р[убля] с[еребром]. Что же было там делать без места, а я хотела поступить в Клинику,

⁸⁵ Eesti Rahvusarhiiv. 996.3.403. Folio 1 («Da sie hier in Dorpat in den drückendsten Verhältnißen lebe, auch keine Aussicht habe, die Fr[au] Schults zu besichtigen, so lange sie herab [?] bleibe: so trage sie gesund an: ist ihr an den Gläubigern gestattet wurde Dorpat auf seie die Woche verlassen zu dürfen, um sich nach St. Petersburg zu begeben an Pflege sie Sehers werden austreiben können, um allen ihren Gläubigern zunichte zu werden»).

⁸⁶ «Теперь, когда Императорское полицейское управление предоставит ей необходимое разрешение и ее в должное время уведомят, Тереза Грюнвальд на несколько недель должна будет ехать по прикрепленному [к паспорту] проездному билету и в дальнейшем обязана этот паспорт [в оригинале — Pass] здесь предъявить» (Ibid. Folio 2).

потому что частное место там не стоит заниматься, поэтому я обратилась с просьбой в Клинику, а мне место не давали, потому что там есть Дерптские акушерки, поэтому я заняла денег 800 р[ублей] с[еребром], и только потому что Н[иколай] А[лександрович] писал мне, чтобы я подождала, он хотел прислать. Тут же случилось несчастье[:] он помер. Потом Вы были так добры и прислали мне 500 р[ублей] с[еребром]. Я сейчас отдала их и осталась 300 р[ублей] с[еребром] должна (с. 186–187).

Нюанс заключался в том, что годом ранее в письме тому же Чернышевскому от 12 марта 1862 г. (№ 44) Грюнвальд радостно, с облегчением и благодарностью сообщала, что погасила все долги (с. 181). Легко догадаться, что невесть откуда взявшийся долг 1862 г. в 300 рублей был не что иное, как текущий ее долг в 228 рублей, только слегка округленный. Это, пожалуй, первая настолько вопиющая нестыковка в письмах Грюнвальд, что Чернышевский мог начать серьезно подозревать ее в обмане. Начиная с момента подачи против Терезы судебного иска летом 1863 г. она была вынуждена действовать еще более прагматично и решать более серьезные проблемы (изыскивать необходимую сумму и расплачиваться с долгами). Для этого ей приходилось балансировать на грани правдоподобия и в то же время сохранять лицо в переписке с Чернышевским и Добролюбовым. Очевидно, что делать это ей удавалось все хуже и хуже.

В том же письме (№ 48) Тереза давала волю своей фантазии и уверяла адресата, что стоит только ей оплатить дерптские долги, как она сможет вернуться в Петербург и практиковать там акушерство, поскольку платят в столице больше, а «в Дерпте платят подарками» (хотя ранее она утверждала обратное). И далее:

Мне здесь есть 2 случая, где я надеюсь получить и более 300 р[убля] с[еребром], но это только нужно еще дожидаться. 2 или немного так 3 недели, а до этой поры я не знаю, что мне делать <...> Здесь я могу занят[ь]ся и моя тетушка мне будет рекомендовать больных, потому что сама стара и не имеет силы (с. 187).

Все, что мог Чернышевский сделать для нее из каземата, — переадресовать ее просьбу Пыпиным. Те не были богаты и в ответ на настойчивые письма Грюнвальд (№ 49–50) всего лишь посочувствовали ее благим намерениям, поскольку Чернышевский предупредил их в письме: «Всё это очень может быть не больше, как обманом каких-нибудь плутов или плутовок, водящих ее разными пустыми обещаниями и выманивающих у нее деньги»⁸⁷.

⁸⁷ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. 14. С. 486.

Из протокола заседания фохтейского суда 12 сентября 1863 г. следует, что Тереза вернулась в Дерпт, так и не сумев собрать необходимую для полного погашения долга сумму. Представлявший Грюнвальд хозяин гостиницы г-н Эйхенберг ходатайствовал в суде о предоставлении ей новой отсрочки. Сама Тереза появиться в суде не смогла: когда она ночевала в гостинице г-на Эйхенберга, на нее напал подмастерье Александр Кидов⁸⁸ — видимо, муж ее кредиторши Анны, которой Тереза должна была 54 рубля. Суд постановил предоставить Грюнвальд отсрочку и снова дать ей возможность выехать в Петербург, а против Кидова возбудить дело об избиении. Через три месяца, 2 декабря 1863 г., поручитель Грюнвальд г-н Эйхенберг снова ходатайствовал о продлении еще на три месяца разрешения подсудимой оставаться в Петербурге и Пскове⁸⁹. Помня о том, что во Пскове проживала тетка ее подруги Амалии, можно предполагать, что Тереза могла попытаться счастья и поехать туда в надежде раздобыть необходимую сумму. К декабрю 1863 г. в протоколе в качестве кредитора упоминается лишь Карл Зольберг. По-видимому, с остальными Грюнвальд каким-то образом расплатилась. 6 февраля 1864 г. ее паспорт был продлен еще на три месяца⁹⁰.

Все, что произошло с Терезой дальше, с трудом поддается реконструкции. Судебное дело затянулось вплоть до 10 ноября 1873 г.: этим числом датируется последний протокол. Вместо Грюнвальд в суде по ее делу выступали Ян Зольберг и Александр Кидов. Последний был оштрафован за нападение на Терезу на 80 рублей, которые его обязали выплатить Зольбергу, что и покрыло ее исходный долг перед ним⁹¹. Вернулась ли она в Дерпт, осталась ли в Петербурге или во Пскове, неизвестно: дальше следы ее окончательно теряются.

Эпизод из жизни парижанки Эмили Телье

На другом конце Европы одновременно с Терезой Грюнвальд жила Эмилия Телье (Émilie Tellier) — еще одна женщина, тоже вовлеченная в торговлю своим телом, с которой судьба свела Добролюбова осенью 1860 г. Благодаря этой встрече ее письма, публикуемые в этом томе, сохранились до наших дней и донесли до нас ее голос. Если смотреть на эту

⁸⁸ Eesti Rahvusarhiiv. 996.3.403. Folio 3.

⁸⁹ Ibid. Folio 4.

⁹⁰ Ibid. Folio 5.

⁹¹ Ibid. Folio 6.